

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (3748)

Четверг, 1 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

Почетный гость фестиваля, известный венгерский поэт Мигель Анхель Астуриас — среди молодежи (верхний снимок). Желая попасть на встречу было столько, что многим пришлось расположиться прямо на полу (нижний снимок).

Они подружались в Москве... Фото А. Ляпина.

ПИСАТЕЛИ МИРА ГОВОРЯТ С МОЛОДЕЖЬЮ

ТАК повелось: на молодежные фестивали всегда приезжают писатели. Писатели из разных стран, разного возраста, разных взглядов. Это важно для молодежи, это необходимо для самих писателей.

И вот 30 июля в Международном студенческом клубе на Ленинских горах по приглашению студентов собрались писатели из разных стран, приехавшие в Москву. Предлагалось, что эта встреча пройдет в форме вопросов и ответов. Была даже разработана специальная анкета: каждый писатель должен был высказать свои мысли о том, что, по его мнению, является главной жизненной задачей молодежи, что могло бы содействовать дальнейшему укреплению мира и дружбы молодых людей всех стран, в чем каждый видит свое писательское призвание, над чем работает сейчас? И, наконец, как ему понравились фестивали, какие личные пожелания участникам фестиваля он хочет высказать?

Но разговор оказался гораздо шире анкеты.

Хотя далеко не все иностранные писатели, съехавшие в Москву, были на этой встрече, все же их было больше, гораздо больше, чем, скажем, на той же встрече во время берлинского фестиваля. Именно поэтому сразу же возникли некоторые затруднения: всякая приятность сужаю. Ну, например, по какому принципу избрать президиум?

Решили: пусть в президиум войдут представители каждого континента. Ну, а дальше, кто должен представлять Европу? Немецкий писатель Вальтер Виктор или югославская поэтесса Дасанка Максимович, Назим Хикмет или один из темпераментных итальянцев, или француз, болгарин, поляк?

Студенческий совет дал право представлять европейский континент в президиум писателем Греции. Но кого же избрать из греков?

Два убежденных сединами грека могли представлять свою литературу: Стратис Миривилис и Спирос Теодоропулос. Они долго уступали друг другу место в президиуме, пока, наконец, его не занял старший по возрасту Теодоропулос.

Бразильский писатель Жоржи Амаду, Мигель Анхель Астуриас из Гватемалы, молодая чилийская поэтесса Прександа Уррутиа, старый канадский поэт Джо Уоллес, Филип Алтман — писательница из Южно-Африканского Союза и

что я думаю о венгерской революции и сочувствую ли венгерским писателям, принимавшим участие в ноябрьских событиях. Сама формулировка вопроса показывает, как превратилось в настоящее существо венгерского события молодой швед. Ведь если он имеет в виду Тамаша Ацела или Дьюла Гая, — отвечал я ему, то им не может быть никакого сочувствия, потому что это и есть заклятые враги венгерского народа. Но если говорить о преданных делу народа венгерских писателях или о том юноше, который в день открытия фестиваля принес через стадион имени В. И. Ленина знамя венгерской делегации, — о юноше, в свое время расстрелянном контрреволюционерами и чудом вернувшимся к жизни, — то это и есть настоящие борцы за свободу Венгрии и, конечно, все наше сочувствие на их стороне.

Нам было дорого, что буквально все присутствовавшие в зале поддержали нас своими единодушными аплодисментами. Примечательно и то, что один венгерский студент из Будапешта прислал в президиум записку, в которой писал, что он вполне согласен с нашим ответом шведскому студенту.

Атмосфера дружбы и взаимопонимания, которая царилла на первой встрече писателей и студентов — участников VI Всемирного фестиваля молодежи, как нельзя лучше отразилась на их стороне.

Награждение И. К. Авраменко орденом «Знак Почета»

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и за заслуги в развитии советской литературы, Президиум Верховного Совета СССР награждает писателя Авраменко Илью Корнильевича орденом «Знак Почета».

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«ДРУЖБА НАРОДОВ» — «Ленинское единство» — под таким заголовком журнал печатает отклики писателей братских республик: М. Рыльского, П. Воронько, А. Талира, М. Львова, С. Рагимова, С. Удугада, С. Рустана на решения июньского Пленума ЦК КПСС.

В августовской книжке широко представлена поэзия. Публикуются стихи поэтов: туркменского — К. Сейтлиева, азербайджанского — О. Сарываллы, грузинского — М. Капанадзе, еврейского — С. Гадкина и чеченского — Н. Музаева.

В номере — повесть А. Чойшали «Встреча в Бакуриани», перекладывающаяся с мотивами фестиваля, окончание романа П. Брокки «Когда слываются реки» и художественного репортажа Б. Сруога «Лес богов».

В разделе «1917—1957» журнал публикует воспоминания бывшего политического сыщика Д. П. Долбежкина «Новая власть в Туркханах».

Под рубрикой «В семье братских народов» — очерк Л. Гурунча «В горах Карабаха» (из колхозной жизни).

В разделе «Зарубежные впечатления» начинается публикация путевых заметок

Л. Джентеро «Под Южным крестом» — о поездке писателя в Аргентину. Большая подборка, в которой принимают участие С. Горюцкий, В. Деметьев, Н. Капиева, Ю. Хаппалаев, В. Журавлев, посвящена выпускникам Литературного института имени А. М. Горького. В журнале — статья Г. Левова о «Кавказской повести» П. Павленко.

Под рубрикой «По страницам журналов» дается перепечатка из нового журнала «Литературная Грузия» (№ 1) — «Беседа А. М. Горького с рабочими, сельхозрабочими и военными в Тбилиси 27 июля 1927 года» (публикуется впервые по стенографической записке Е. А. Александровой).

Журнал заключает маленькие рецензии и новые книги.

«ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА» Журнал открывает стихотворения канадского поэта Джо Уоллеса «Песня о фестивале». VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов посвящен и публикуются «Иностранная литература» обзор зарубежных молодежных журналов.

Среди прозаических произведений читателей найдут начало романа французского писателя Армана Лану «Майор Ватан» и окончание романа Луиса Даллинеса «Дети Максима Худаса» и Эрне Урбана «Ураган».

В разделе «Из новых книг» журнал публикует главы из нового романа

МОСКВА ФЕСТИВАЛЬНАЯ...

Право же, каждый день фестиваля по количеству и многообразию впечатлений равен нескольким месяцам. И жизнь фестивалей — горячая, пестрая — кипит на десятках московских улиц и площадей.

Начались встречи по профессиям и по интересам. В Доме ученых встретились кинолюбители, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — молодые фермеры и крестьяне. Открылись международные художественные конкурсы музыкантов и артистов цирка. Молодежь разных стран посылает друг другу то, чем богата. Пришло время дискуссий, творческого соревнования, щедрого и взаимно обогащающего обмена художественными достижениями.

Спасибо!

ЕСТЬ древняя китайская народная сказка о желтом аисте, которого нарисовал на стене чайной студент, чтобы расплатиться с хозяйном. Когда в чайной собралось много людей и они трижды хлопали в ладоши, аист сошел со стены и восхитился своим танцем. Но после того, как однажды хозяин заставил его исполнить свой танец перед богатым чиновником, пожелавшим, чтобы аист танцевал для него одного, волшебная птица навсегда покинула чайную.

Прекрасное должно принадлежать всем — такова мораль этой старинной легенды. О ней нельзя было не вспомнить на торжественном концерте делегации китайской молодежи, данном 30 июля в Театре Советской Армии. Прекрасное китайское искусство принадлежало в этот вечер поистине всем: в переполненном зале были представители всех народов, и не три-

жды хлопали зрители в ладоши, — бурные аплодисменты сопровождали каждый номер и служили предлюдей к следующему.

Нельзя было не вспомнить о сказке еще и потому, что все на сцене напоминало ожившие волшебные картины, нарисованные рукой бесконечно талантливого художника, которому подвластны и радость нежных красок, и невыразимая пластичность движений, и музыкальная гармония. Никто из зрителей не забудет этого концерта. Не забудут певцов из народного хора Пекина, танцовщиц, исполнявших танец «Цветные барабаны», танец палгина, величественных акробатов, эквилибристов на велосицилах, артистов, показавших нам отрывки из китайских классических опер. Древнее искусство Китая в этот вечер дышало молодостью, и эта юность и свежесть покорила сердца всех.

...Последний раз открывается занавес, и гости запевают на своем родном языке «Гимн демократической молодежи мира». Гимн звучит в сопровождении «ударных инструментов» — ладовой все-

гласает над толпой: «Да здравствует советско-китайская дружба!» И все подхватывают эти слова.

Уже далеко за полночь. Отошел последний автобус с делегатами. Но не хочется расстаться молодым москвичам. Откуда-то появились две гитары, и белокурый парень в ковбойке под их аккомпанемент отплясывает четкую. Пожилой милиционер приближается к кругу зрителей. Начало этого самодельного концерта кажется ему, видимо, несложным. «А не пора ли по домам?» — не совсем уверенно спрашивает он. «Мир! Дружба!» — летит ему в ответ, и на лице строгого блюстителя порядка появляется веселая, благодушная улыбка.

Н. РАЗГОВОРОВ

Кинофестиваль открыт

НА ЗЕЛЕНОМ фоне в венке разноцветных кинопленок на кинофестивале 30 VII—10 VIII, множестве флагов разных стран украшает стол президиума. Такой предсталя сцена кинотеатра «Ударник» гостям, пришедшим сюда на открытие первого в истории фестивалей молодежи и студентов Международного кинофестиваля. Фестиваля действительно международного: здесь

представлено свыше 180 фильмов разных стран. Молодежь проявляет к фестивалю большой интерес. И это понятно. Ведь цели кинофестиваля совпадают с той великой благородной целью, во имя которой приехали в Москву посланцы всего мира. Хорошо заметен член жюри кинофестиваля, старый английский кинорежиссер Брайан Десмонд Хурст: «Я за свою жизнь видел две мировых войны. И никто так не страдал от войны, как молодежь». И естественно, что именно цели друзей, мира, человечности проникнуты фильмами, показываемые на этом фестивале.

На трибуне один за другим выступают члены жюри, почетные гости. Член Международного комитета фестиваля Эмо Элоди (Италия), председатель жюри Международного фестиваля чехословацкой молодежи А. Брусила, японский режиссер Кинохика Ушикура, поставивший за свою творческую жизнь уже 135 фильмов, — все они приветствуют гостей и участников фестиваля, желают всеческих успехов первенцу — Международному кинофестивалю. Их выступления тут же переводятся на французский и английский языки. Но для первой фразы, которую произнес известный индийский режиссер и артист Радж Капур, перевода не понадобилось. Сказанные им по-русски слова «Дорогие друзья, товарищи!» были поняты всеми без исключения.

Фестиваль открывается советским фильмом «Высота». А перед ним демонстрируется киноочерк, посвященный началу VI Всемирного фестиваля. И хотя этот фильм еще маленкий, уже первые кадры, показывающие запруженное народом Садовое кольцо, встречают овацией. Делегаты фестиваля точно вновь переживают бурное полноводье высоких человеческих чувств, захлестнувшее всех их жарким солнечным днем 28 июля. Снова едут на машинах, с трудом вырываются из дружеских сильных объятий. И есть, конечно, символический смысл в том, что заставкой первого кинофестиваля явились эти сцены, рассказывающие о силе международной солидарности.

Ю. Х.

Народ управляет

ПО ЭТОЙ белой лестнице они шли в окружении полицейских. В огромном зеркале отражались зеленые каски, дубинки, блестящие сапоги. В этот день были арестованы прямо в зале заседания и на залге годы брошены в тюрьму шесть депутатов — вся рабоче-крестьянская фракция сейма, маленький островок народного представительства в парламенте, состоявшем из директоров акционерных обществ «серых баронов», адвокатов, домовладельцев и священников. Это было в 1933 году. А в 1934 году сейм был распущен.

Только через шесть лет здесь собрался Народный сейм, который провозгласил установление Советской власти в Латвии. Грядущая война. Большинство депутатов ушло на фронт. Многие из них не вернулись в Ригу. Слева от парадной лестницы на мраморной доске высечены имена и фамилии: Андан Ян, Чемис Станислав, Деглис Кузп, Спуре Жан, Шноре Эдмунд... Двадцать четыре обгагранных кровью депутатских мандата.

5 октября 1944 года, когда по рижским набережным уже ходили фашисты, в освобожденном Даугавпилсе собрался Верховный Совет. «Открывая третью сессию первого созыва, — начал председатель, — сообщая вам, что из всех избранных депутатов на сессию явились пятьдесят два человека. Прошу почтить память павших».

...А живым надо было восстанавливать Латвийскую республику — республику Советов трудящихся.

За Народный сейм боролись те шесть депутатов, которые были арестованы в 1933 году, и еще сотни других, так и не вышедших из ульмановских тюрем. За Народный сейм пали те двадцать четыре депутата и еще сотни латвийцев, чьи имена высечены не на мраморе, а в памяти матерей. И вот он действует, этот Народный сейм — Верховный Совет республики.

Как же осуществляет он власть трудя-

щего? Каким образом заботы и мысли рядового человека, сеющего хлеб, собирающего радиолампы, ловящего рыбу или пишущего диссертацию, могут дойти до верховной власти и претвориться в новый закон, завод или больницу?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ разум Верховного Совета — сессия. Внимание к человеку проникнуто каждое заседание сессии, чему бы оно ни было посвящено — строительству ли больницы, увеличению рыбных богатств Латвии или годовому бюджету. Самую повестку дня сессии определяет, в конечном счете, народ. Это то, о чем люди пишут в Верховный Совет, говорят на приемах, что тревожит и избирателей, и депутатов.

Так родилась тема двух сессий, посвященных состоянию народного образования в республике. Трудно найти документ о школе более убедительный по количеству фактов и государственному подходу к делу, чем небольшие книжечки под названием «Заседания Верховного Совета Латвийской ССР. Третья сессия. Июль 1956 года. Стенографический отчет» и «Пятая сессия. Февраль 1957 года».

Что обсуждали депутаты? Прежде всего то, что еще надо сделать, чтобы в девять часов утра на всей территории республики не было ни одного ребенка школьного возраста, не сидящего за партой. Правители буржуазной Латвии прогнумели на весь мир о законе об обязательном шестилетнем образовании. И что же — шестилетнюю школу с правом поступления в среднюю кончал лишь каждый шестой ребенок, десятки тысяч детей вообще не учились. А на сессии Верховного Совета министр просвещения В. Самсон с тревогой сообщил депутатам, что в Валмиерском районе вне школы находится... семь детей.

Два дня шли прения. В зале звучали имена Ушиского и Макаренко, депутаты говорили о воспитании чувства долга, о

качестве подготовки учителей, о либерализме в оценке знаний. Выпускникам школы иногда не легко устроится на работу — ведь у молодых людей нет специальности; и депутаты считают, что пора решить, должна ли школа давать профессию своим питомцам. А за это время же встало наиболее — перегрузка учеников и вопрос о специализации школы.

Кому, как не высшему органу Советской власти в республике, думать о кругозоре поколения, которое будет жить при коммунизме! И удивительно ли, что с трибуны сессии директор школы А. Берзиньс говорил о том, как должны дети знать и любить Рахманинова и Бетховена, а депутат В. Леиньс решительно протестовал против схематизма в преподавании литературы.

И вот принято постановление — мысли и предложения избирателей и депутатов, одобренные сессией, стали законом, конкретным заданием правительству.

А через восемь месяцев на пятой сессии депутаты уже слушали отчет Министерства просвещения. К началу учебного года, докладывал министр, открыто вмести пяти тринадцати новых школ, Совет Министров освободил двадцать зданий, которые занимали другие ведомства, переведены на пятилетний срок обучения педагогические институты. По указанию Верховного Совета, и некоторых школах ребят обучают производственным профессиям, и подобные факультативные курсы будут открыты с нового года при каждой школе. Учебные планы и программы на 1957/58 учебный год сокращены на четверть часа. Министерство в ближайщие два-три года составит новые стабильные программы и учебники. А самое главное — возросло внимание общественности к школе.

Но депутаты не удовлетворены тем, как выполняются решения третьей сессии. Депутат В. Авотиче потребовала, чтобы министерство занялось вопросом о типах средней школы, о практическом их направлении. Двести человек единогласно предложили министерству уделить особое внимание разгрузке программ.

Другая сессия. Итог ее — создание Совета народного хозяйства. Теперь между руководящим учреждением и предприятием будет существовать прямая связь. Депутаты говорили о резервах — огромных, сейчас еще даже не поддающихся цифровому выражению, которые открылись в каждом районе, на каждом заводе.

В последнее время усилia Верховного Совета Латвийской ССР, его постоянных комиссий направлены на то, чтобы поднять роль местных органов власти в жизни Латвии. Не удивительно, что именно на этой сессии депутаты напомнили районным и городским Советам об их ответственности за жилищное строительство, за бытовое и культурное обслуживание населения.

Новая система руководства значительно расширяет права республики. Работать теперь будет и труднее, и легче — труднее потому, что отныне все неполадки, просчеты — все ляжет на плечи местных работников, ссылаясь уже будет не на кого, оправдываться ссылкой на «верх» нельзя, ибо совнархоз и есть тот «верх», который будет решать и нести ответственность за свои решения. Но станет и легче, потому что прекратится ведомственная череповица, руководство с помощью телефонов и телеграмм.

Сессия была предельно деловой и короткой, надо было скорее приниматься за

выполнение ее решений. Уже через три дня после заключительного заседания в республиканской газете появилась беседа — «Первые шаги совнархоза».

КОНЧИЛАСЬ беседа. Разъезжая депутаты, посмотрим, что делается за высокими лубовыми дверями в это «тихое» межсессионное время.

В протоколах сессии, посвященной здравоохранению, записано 139 предложений и замечаний депутатов. Каждое должно дойти до министра или руководителя ведомства. И вот передо мной напечатаны ответы. «[Депутат Н. ...] В связи с Вашим выступлением на IV сессии сообщаю...» Сообщают министр здравоохранения, председатель Госплана, начальник железной дороги. В Венцписе будут строиться ясли, выделены средства для строительства больницы в Ленинском районе Риги, пересматривается сеть маломощных больниц, проверены санитарные условия на заводе Елгава.

Не всегда такой ответ приходит без напоминаний, и не всякий ответ удовлетворяет депутата. Как тут не вспомнить добрым словом работу незаметных его помощников — аппарата Президиума Верховного Совета. Переписка, проверка, подготовка материалов на заседаниях, прием людей, к сессиям — все это вложено труд двадцати его работников.

После сессии «тревожат» министерства не только аппарат Президиума...

Много лет Словеский бумажно-целлюлозный комбинат отравлял своими отходами реку Лиелупе. Пачками шли жалобы в Верховный Совет, возмущались жители, врачи, даже сам министр здравоохранения, а привыкшая к бесчисленным проверкам и санитарным актам дирекция, нимало не тревожась, платила штрафы. Одна из красавиц в Латвии рек на глазах становилась мертвой. И вот сессия в своем постановлении записала неуловимый пункт: «Решить вопрос о закрытии предприятия, руководители которых не принимают мер по прекращению загрязнения воздуха, почвы и воды».

На комбинат приехали председатель постоянной комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению Э. Анкупе, депутат М. Салтупе и два врача. Главный инженер, сдерживая раздражение, устало сказал: «Опять комиссия. Дали бы работать, наконец». Анкупе заявила: «Это последняя. Больше не будет». И, действительно, больше не было. Теперь уже директор и главный инженер вместе с министром были вызваны на заседание комиссии. Им был дан трехмесячный срок: если за это время не наведется порядок, закроем комбинат. И сразу нашлись трубы, аппаратура для цеха по переработке отходов...

Меньше года существует комиссия по здравоохранению, но как много живых дел уже находится в поле ее зрения! Из решения сессии она выбрала несколько пунктов и взяла их под свой контроль. Прежде всего — борьба за чистую воду и воздух. Потом придется за школьные парты и освещение, затем — за санитарно-эпидемиологические станции. Комиссия предупредила руководителей исполкома Риги: мы будем обсуждать вопрос о санитарном состоянии столицы. И вот уже сверкает чистой водой и пахнет горола. «А ведь мы еще только будем заниматься Ригой!» — улыбается Анкупе. Я знаю, что моя беседа была прожата очень трудную жизнь. Ей нет еще пяти-

(Окончание на 2-й стр.)

Гана Джордж Акуах: Мудрость — общая!

Продолжаем печатать интервью о литературе различных стран. Эти интервью взяты корреспондентами Литературной газеты у участников и гостей фестиваля.

Ежедневных газет и на местных языках. — Мы хотели бы попросить вас рассказать нам о современной литературе вашей страны, о наиболее видных писателях. — В Гане широко известны имена таких писателей, как Акуах, Ачи, Акрофи, Денкуах... Вам эти имена, наверное, мало что говорят, — замечает наш собеседник. — Я расскажу вам вкратце об их творчестве. Акуах приобрел популярность среди наших читателей благодаря своим интересным романам, посвященным жизни современной Ганы. Его особенно интересуют тема взаимоотношений между членами семьи, но нередко он обращается и к более глубоким социальным проблемам. Так, например, он затрагивает тему о преступности среди несовершеннолетних. Другой писатель — Ачи — в прошлом был редактором одного крупного еженедельника. Он пишет на языке фанти. — Чем он интересен? — Пожалуй, наиболее ценный его вклад в нашу культуру — это то, что он изложил на фанти в форме прозаических рассказов несколько пьес Шекспира. Среди них — «Гамлет», «Макбет», «Сон в летнюю ночь» и другие. Эти рассказы стали у нас хрестоматийными. — На каких еще языках создано произведение вашего писателя? — Акрофи, которого я уже упоминал, пишет на чви. Он и Иебоа, другой видный литератор, записали много легенд и сказок, которые так богаты фольклором, и выпустили ряд сборников произведений народного творчества. Эти сборники используются в наших школах, знакомят подрастающее поколение с сокровищами национальной культуры.

эпические поэмы — «Фанти Ман» («Народ фанти») и «Фанти Аманбу» («Обычаи фанти»). Вам, вероятно, будет интересно узнать, что законы стихосложения у нас такие же, как и в европейской поэзии. Машина останавливается перед красным светофором, на одном из перекрестков Ярославского шоссе. Ее тотчас же окружают радостно возмущенные москвичи. Все стремятся пожать руку нашему спутнику. Художавый парнишка в светлом костюме дерит ему открытку с видом Красной площади. Зеленый свет, и мы едем дальше. Растроганный, Джордж Акуах вплотную произносит несколько строк стихотворения о дружбе. Наверное, впервые звучат под московским небом стихи на языке фанти. — В каком положении находится ваша драматургия? — спрашиваем мы. — У нас нет постоянного действующего труппы. Существует лишь несколько любительских трупп, которые выступают в концертных залах. — Какие пьесы они ставят? — Пьесы наших драматургов. Особенно популярна одна из них, рассказывающая о славном прошлом народа ашанти. В ней причудливо переплетаются исторические факты и образы народных легенд. Основная тема ее — призыв к единству ашанти, которые раньше жили разрозненными племенами. Пьеса называется «Золотой стул». Согласно легенде, золотой стул — символ единения народа ашанти... Вообще, обращение к теме героического прошлого характерно для наших драматургов. Интересную пьесу о национально-освободительной борьбе первой половины XIX века написал молодой автор Секустс Менсах. Эта пьеса, поставленная любительскими труппами, называется «Битва при Несаман». Как видите, у нас существуют все жанры литературы. А теперь, когда Гана стала свободной, они, конечно, станут беспрепятственно развиваться. — Есть ли у вас писательские организации? — Да. У нас создано «Журналистско-писательское объединение», насчитывающее около восьмидесяти членов. Кроме того, в Аккре есть так называемое «Западно-Африканское бюро», куда входят представители литературы Ганы, Нигерии и Сенегала. — Какие европейские писатели популярны в вашей стране? — Пока, к сожалению, немногие. Наши читатели знают драматургию Шекспира и Шоу и прозу Дикенса. Очень популярны Стенсенсон, особенно среди молодежи. Из русских классиков лучше все известен Лев Толстой. Хорошо знают имя Максима Горького, правда, лишь по немногим вещам, среди них — «Буревестник». Я сожалел, что не знаю русского языка. Думаю изучить его в ближайшем будущем, и тогда смогу читать ваших писателей в подлиннике. — Автобус с делегатами Ганы подкатил к зданию театра. Наша «победа», основанная разрывавшимися, осталась рядом. Поблагодарив Джорджа Акуаха за интересную беседу, мы обменялись на прощание крепким рукопожатием.

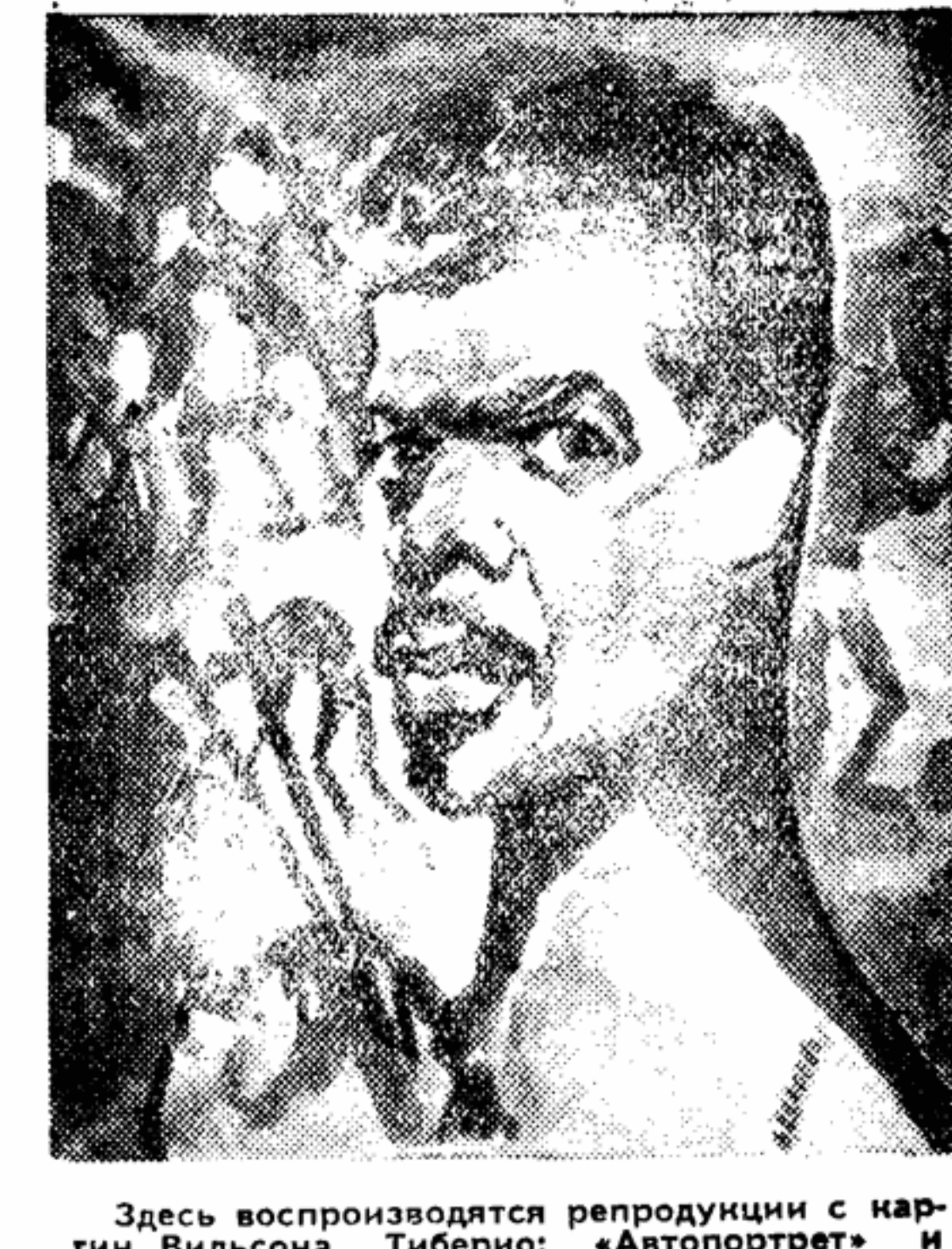
ЛЮДИ ФЕСТИВАЛЯ

КАРТИНЫ негритянского художника Вильсона Тиберио очень похожи на странные сны. «Рабский труд»: идут один за другим, сгибаясь под тяжестью ноши, негры — босые, худые люди, изможденные непосильным трудом. Другая картина: «Слезы нищие в Сенегале» — впереди мальчик-поволыря, за двое старших держатся его плечи. У Тиберио обычно нет пейзажа, но отдаленно представляешь себе землю, жизнь и солнце этих слепых. «Едят рис» — много рук в одной небольшой чашке. «Водонос» — последняя работа Тиберио: знойная дорога. Женщины тащат огромные глиняные кувшины. И опять страшная тяжесть давит плечи.

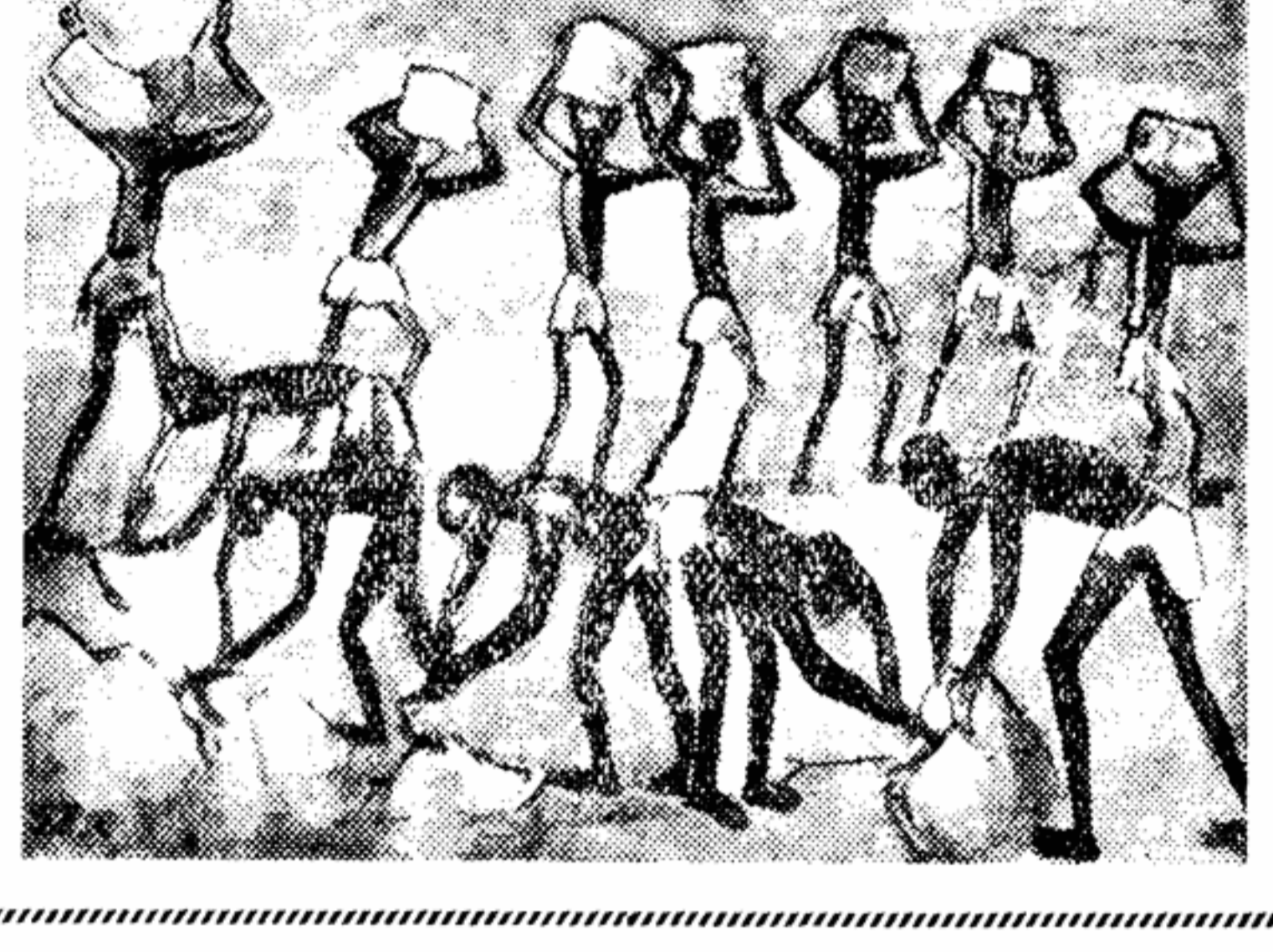
ПРАВДА ТИБЕРИО

возрождением в его работах традиций древнего негритянского искусства. Да, живопись Тиберио, действительно, глубоко реалистична, понятна каждому простому человеку. Да, негры — босые, худые люди, изможденные непосильным трудом. Другая картина: «Слезы нищие в Сенегале» — впереди мальчик-поволыря, за двое старших держатся его плечи. У Тиберио обычно нет пейзажа, но отдаленно представляешь себе землю, жизнь и солнце этих слепых. «Едят рис» — много рук в одной небольшой чашке. «Водонос» — последняя работа Тиберио: знойная дорога. Женщины тащат огромные глиняные кувшины. И опять страшная тяжесть давит плечи.

Его первыми учителями были негры из бразильских негритянских гетто, может быть, еще поэтому его рисунки так народны. Тиберио много ездил по свету — Америка, Европа, Африка. Главное, Африка — страна, где люди, исеченные колонизаторами, напоминают бороды, выжженные слезами на щеках старого негритянского народа. Оттуда он и привез сюжеты своих лучших картин. «Повешенные в Кении», «Материнство» — в этой матери, кающейся свое единственное сокровище — ребенка, много невысказанной грусти и любви. Вильсон Тиберио глубоко верит в освобождение от колониализма и счастливое будущее своих соплеменников. Это высокий смуглый человек в берете, с трубой, очень спокойный. В его внимательные большие глаза много огня — того самого огня, на который смотрел всю свою жизнь его отец — кузнец из Южной Бразилии.

Здесь воспроизводятся репродукции с картин Вильсона Тиберио: «Автопортрет» и «Рабский труд».

Танцы Востока

ПОСЛЕ того как во второй день фестиваля в Колонном зале Дома союзов состоялась торжественная церемония открытия конкурса классического танца народов Востока и народного танца, советская молодежь дала концерт-приветствие тем, кто сидел в зале, — будущим участникам этого интереснейшего состязания. Ни на одном из предыдущих фестивалей еще не было такого конкурса. А на следующий день после открытия те, кто накануне сидел в зрительном зале и жадно следил за своеобразными, то спокойными и переливающимися, то выхваченными и зажатывающимися танцами советских народов, — собрались за сценой Колонного зала.

Джавари танец павлина с таким тонким проникновением в «психологию» этих народных, кокетливых и чванливых птиц, что трехтысячная аудитория Зеленого театра ВСХВ долго не отпускает их с подмостков. Эти древние танцы, одухотворенные талантом современных балетмейстеров и исполнителей, невольно ассоциируются с образами вечно живой древней индийской литературы.

Конкурс идет своим чередом. Танцевальная группа уральского хора показывает «Семеру». Мои соседки по креслам — китайские танцовщицы приходят в восторг. Они говорят: — Мы сами танцуем «Семеру», и у нас в Китае ее очень любят. А кроме того, среди уральцев — наши подружки: когда мы гастролировали в Монголии, там был этот советский коллектив. Они нас многому научили, и мы успели подружиться.

Подвиг. Проходят немногие минуты, и наступит тот долготрудный миг, когда их вызовут на эстраду и перед лицом переполненного зала они продемонстрируют свое искусство, будут защищать «хореографическую честь» своей родины. И вот конкурс классического танца народов Востока начался. Молодежный корейский ансамбль показал массовую пляску, полную радости освобожденной земли. Статные, пластичные юноши в военной форме, девушки изящные, как тонкие ветки цветущих деревьев, аккомпанемент европейского оркестра и звонких ударов бамбуковых палок — все это создавало совершенно непривычные гармонические сочетания мелодий, красок, движений. Индия. Двенадцать девушек в красно-желто-зеленых костюмах с темными покрывалами, расшитыми серебряными звездами-цветами... Как раскрашены об этом танце, который ассоциируется с вполне реальным трудом земледельца, и с фантастической народной сказкой? Мне вспоминается концерт второго дня фестиваля — один из первых национальных концертов, показанный художественной группой делегации Индии. Пленительные композиции сестер — известных танцовщиц Падмини и Рагини, которые снимаются сейчас в советско-индийском фильме «Афанасий Никитин». Глава балетной труппы бомбейской академии музыки и танца Шем Сундер показывает с Минакши

А илупина

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Начало славной летописи

МОЖНО порадоваться оперативности наших «толстых» журналов: в экономических районах только что приступили к работе, а в июльских книжках «Знамени» и «Нового мира» уже появились очерки о их первых шагах. Правда, оба журнала несколько повторяют друг друга: и очерк Г. Марягина в «Знамени», и очерк А. Злобина в «Новом мире» посвящены деятельности одного и того же Горьковского совнархоза. Конечно, читателю было бы интереснее прочесть заметки из разных экономических районов. Тем не менее каждый из очерков нашел свой «курс». Георгий Марягин в «Знамени» изображает широкие картины экономического района, его масштабы, касается многих острых экономических проблем. Анатолий Злобин в «Новом мире» сосредоточил свое внимание на работе аппарата совнархоза и его руководителей. В очерках много интересных штрихов, деталей, наблюдений. В них выразительно описаны приметы нового. Читатель остро ощущает «добрый стиль», стиль деловитости, который выработывается в совнархозе с первых дней его работы. Очень характерен в этом отношении дневник председателя совнархоза Н. Н. Смелякова, опубликованный в отрывках в очерке А. Злобина. За скучными строчками этого дневника виден круг забот и дел советского хозяйственника, большие масштабы работы, широкие перспективы, партийная деловитость и чувство нового. Читатель эти выписки из тетради и думает, сколь разнообразен круг интересов наших хозяйственников, как широко государство вовлечено в эти процессы. И он деградирует. А то, что я вижу здесь, — о, как это интересно!

Гром без молнии

ГОВОРЯТ: если свою мысль можешь изложить прозой, не пиши стихов. Но не все не выразимо прозой — стихи... — Как же быть? — спрашивает молодой поэт Эдуард Иодковский, напечатанный в № 3 журнала «Сибирские огни» за нынешний год поэм «Молния в сердце». — Как быть, если мысль и чувство неопределены и зыбки, а привычка рифмовать «вдохновенно впечатлительность» влывает тобою безраздельно? Хорошо, если поэт не может не писать стихов. Плохо, когда всякое свое творение он спешит напечатать в журнале в исходящем. Поэма Эдуарда Иодковского «Молния в сердце» может быть названа разве что по количеству строк. В ней нет целостности, единства: она порой напоминает о себе как спелые стихи, написанные в разное время и по разным поводам. Герой произведения на наших глазах принимает то одну, то другую позу, и очень нелегко сквозь гром восклицаний, претензий, ритмики, рифмовки и каламбуров составить о нем определенное представление. Но вот прочтена последняя строчка — и ливну даешь: во имя чего решил нас познакомить Э. Иодковский со своим героем? Какую «молнию» в сердце читателя намеревался метнуть автор? Высокая романтика труда и любви нашей молодежи «вдохновила» автора на прозаические штампы, то на малоразумительные выкрики. И как автор ни старается вынуть нам сочувствие к своему герою — его космическим мечтам и его будничным переживаниям, его неопределенным трудом на цели и его выпрепным словом о Родине, — он не становится ни понятным, ни близким нам, ни попросту симпатичным. По замыслу Э. Иодковского его герой растет в труде, на целине поэт подлинную жизнь и подлинную «земную» любовь. Но роста не получилось, и напыщенным декларациям не верится. «Растет» и героиня произведения — та самая, по поводу которой Э. Иодковский так по-северянски благоухал в начале поэмы: Я люблю твои руки — нежно-розовый цвет манюкура, эти руки, что могут и оттолкнуть, и обнять... Лирический герой выразился и более определенно: Слестом отпихнутое тело, взлет бровей... Почему же ты не захотела стать моей? Стриветив на целине эту «девушку, воспитанную на Ростане» и ставшую журналисткой, герой убеждает в ее возмужании, наблюдая, как она, «себя стыдясь, сдвигает манюкур» и как она выступает на редакционной летучке. Теперь уже героиня повернула герою и пришла к нему первой, гордая «в муках найденной силой»... Шаблонная фраза, пожалуй, искривлена, но зачастую чуждая поэма героя — зачем нужно это молодому автору? Ведь смог же он просто, по-настоящему влюбиться в поэтессу — читатель о позорном изгнании из бригады лодья Митрейкина во второй части своей поэмы! Здесь оказалась уместной и нарочитая прозрачность основного ритма поэмы. В целом поэма — творение утомленного и бесполое. Шумные переживания ее героев настолько неинтересны, что за знакомство с ними не будет читатель благодарен ни Э. Иодковскому, ни редакции солидного старого журнала, воспитавшего столько молодых талантов, а теперь неожиданно оказавшего начинающему автору подлинно медвежий автолугу. ЛИТЕРАТОР

Народ управляет

(Окончание. Начало на 1-й стр.) десяти, но у нее совершенно седая голова — это следы десяти лет, проведенных в тюремных камерах буржуазной Латвии, службы в комсомольском батальоне, куда она вступила санитаркой в первые дни войны. И эти суровые годы принесли ей чудесную способность искреннего сочувствия любому хорошему делу, она умеет помогать людям, радоваться и печалиться вместе с ними. Вероятно, это умение жить делами других и есть главное «депутатское» качество Акуахе. Много и энергично работает сейчас еще одна комиссия, пока не имеющая официального названия. Это группа депутатов и специалистов-юристов, которая занимается разработкой гражданского и уголовного кодексов Латвийской ССР. Необходимо положение, например порядок расторжения браков, прочерки вместо фамилии отца в метриках детей, рожденных в незарегистрированном браке, депутаты считают необходимым исправить. И естественно решение, к которому пришла комиссия: когда проекты семейного и трудового кодексов будут закончены, представить их на обсуждение народа. Ведь труд и семья — это то, что касается всех.

Люди, соображения о том, как улучшить хозяйство республики, высказывают с признательностью. Они станут живым опытом депутата, с которым он выйдет на трибуну сессии. Любой человек может, наконец, прийти прямо в Президиум Верховного Совета. Каждый четверг в высоком зале с гербом Латвии председатель Президиума встречается с теми, кто хочет пообщаться с ним. А если вы приехали из района и у вас неотложное дело и мало времени, то председатель примет вас в любой день, разумеется, если он не занят на заседании. Председатель Президиума Верховного Совета республики Карл Мартынович Озолнис — член Союза писателей, журналист и критик по профессии, политический деятель по призванию, «революцией мобилизованный и призванный» еще в 1926 году. Рита узнала о нем осенью 1932 года, когда он, обвиняемый, произнес мужественную речь в суде, где слушалось дело группы коммунистов. Сейчас его знает и уважает вся Латвия. Однако не все депутаты так часто встречаются с людьми, столько ездят по Латвии, забираются в такие дальние ее уголки, как Озолнис. Он был одним из инициаторов обсуждения на сессии Верховного Совета вопроса под скромным названием — «О практике созыва сессий местных Советов депутатов трудящихся». Речь шла о большем — о том, чтобы усилить влияние и авторитет местных Советов. К. Озолнис был основным докладчиком. Его выступление в какой-то мере определило ход сессии. Тут была гневная критика любительских решений и великом районного масштаба, пытающихся поменять Совет депутатов трудящихся, и решительное требование полного доверия тем, кто избран народом.

В деловой обстановке, без намека на парадность, проходят заседания Президиума. Раз в месяц собираются однадцать депутатов, осуществляющих в период между сессиями высшую власть в республике. Однадцать государственных деятелей, людей очень разных по характеру и профессиям (ученый с мировым именем, заведующая фермой, писатель, секретарь горкома партии), но одинаково нетерпимых относиться к нарушению советских законов и одинаково внимательно — к голосу народа, решают разнообразные человеческие дела. Тут и работа с письмами в министерстве, и нарушение трудового законодательства на заводе, где незаконно увольняли людей. Мне пришлось быть на заседании, обсуждавшем ходатайство о помиловании двух убитых, приговоренных к расстрелу. Жизнь преступников зависела от мнения Президиума. Долго, серьезно продумывались все «за» и «против». «За» было чувство сострадания к родителям, «против» — пять жертв, прошлое убийств. И ходатайство было отклонено во имя справедливости и гуманности. Президиум Верховного Совета и депутаты его, наряду с делами большой государственной важности, бывают озабочены судьбой одного человека, одним нарушением закона. Депутат Э. Акуахе занят делами профессора-онколога Л. Страдыня — ищет помещение для его огромного уникального собрания экспонатов по истории медицины. Президиум разбирал недавно жалобу двух пенсионеров на районспожком, занимавший во время отсутствия стариков их квартиры; так появились постановления «О нарушении конституционных прав граждан о неприкосновенности их жилищ». А впрочем, разве все это не государственные дела?

МАСШТАБЫ деятельности Верховного Совета Латвийской ССР расширяются с каждым годом. В зал заседаний сессий выливается большая, полнокровная жизнь, мир живых человеческих радостей, тревог и раздумий. Депутаты принимают на себя всю полноту ответственности за жизнь и труд избравшего их народа. Поэтому растет интерес людей к работе каждой сессии. Последние сессии заставили министров глубоко осознать свою ответственность перед Верховным Советом. Верховный Совет и его комиссия все больше пользуются своим правом контроля правительства. Министерства отчитываются перед ним регулярно. Владимир Ильичу Ленину принадлежит исчерывающе точное определение власти народа — «открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы». Эти слова не написаны на фронтоне здания Верховного Совета Латвийской ССР, но, как незримый эпиграф, они стоят перед каждым решением Верховного Совета, перед каждым его делом, большим и малым. Многие еще не решено, не устоялось, не принято наушачих и наипростейших, что называется, классических организационных форм — ведь у народовостания нет вековых традиций. Главное же то, что власть Советов дает неограниченные творческие возможности в области управления страной каждому члену общества. Думая об общественном благе, предлагая ради него одно, отвергая другое, мечтая о третьем, он говорит себе: «Об этом должен услышать мой депутат». А когда депутат знает, что думает избиратель, и это его знание становится достоянием органов власти и определяет их деятельность, значит, такое государство управляется народом. Э. МЕРКЕЛЬ

Пленум правления Союза писателей Кара-Калпакии

На днях в Нукусе состоялся расширенный пленум правления Союза писателей Кара-Калпакии. С докладом о развитии каракалпакской литературы выступил председатель правления Союза писателей Кара-Калпакии, доклады указал на то, что в поэзии все еще не изжиты напыщенность и риторичность, прозаические произведения подчас несут крайне оптимистический характер, драматургия не отвечает запросам сегодняшнего дня. — Новых произведений много, — сказал далее докладчик, — но печатать их негде: издательство Кара-Калпакии мало мощно. Журнал имеет недостаток: много вышло и выходит лишь один раз в два месяца. Выступавшие на пленуме писатели обсудили задачи родной литературы. И. Сагитов, приводя конкретные примеры, сдержанно критиковал грубое, натуралистическое изображение действительности в некоторых произведениях каракалпакских писателей. О гражданской лирике, которая должна вдохновлять людей на подвиги, говорил поэт Х. Турмубетов. Критик М. Нурумхамедов напомнил об ответственности писателя перед народом и призвал еще выше поднять знамя партийности советской литературы, зная ее высшей идеейности. На пленуме выступил первый секретарь Кара-Калпакского обкома партии Н. Махдумов. Пленум принял резолюцию, в которой подчеркивалось значение III пленума правления Союза писателей СССР и призвала писателей еще теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии. НУКУС. (Наш корресп.)

МУЖЕСТВЕННЫЕ СУДЬБЫ

ЧИТАТЕЛИ О КНИГАХ

НАША БИБЛИОТЕКА о советских морях пополнилась новой книгой. «Колокол загворил вновь» (Владимир Успенский, 1957 г.) — так называется повесть молодого писателя Владимира Успенского, изданная во Владивостоке. Читатель может припомнить не одно произведение, посвященное бессмертным подвигам моряков, оборонявших города-герои Ленинград, Севастополь, Одессу... У нас есть книги о мужестве балтийских катерников и о подводниках Северного флота. Однако в художественной литературе почти ничего не написано о боевых действиях тихоокеанцев, вместе с Советской Армией вставшихших капитулировать грозного хищника на Дальнем Востоке — империалистическую Японию.

Книга В. Успенского повествует об упорных сражениях, развернувшихся в Корее и Маньчжурии, о напряженных августовских днях 1945 года.

...Выступают однообразную песню колеса поезда. На Дальний Восток, через всю обширную Россию, идут эшелоны с обстрелянными, закаленными солдатами и грозной боевой техникой... С попутными поэмами добравшись к Тихому океану капитан-лейтенант Малахов. Его стремление после послышавшегося сообщения стать снова в строй скоро исполняется: капитан-лейтенант назначает возглавить пост, корректирующий стрельбу корабельной артиллерии.

Картинки боев за освобождение от японских захватчиков корейского порта Сасин — центральная и наиболее удавшаяся часть книги. Вряд ли у кого-либо из читателей возникнет вопрос, откуда знаком автору этот материал. Точно подмеченные детали, достоверность описаний им эпизодов говорят о том, что книга создана участником этих боев.

В отличие от некоторых наших книг о войне, где ратные подвиги советских людей изображались обобщенно, поверхностно, повесть Успенского рисует войну «без прикрас», без лакировки: молодой писатель не скрывает от читателей суровой правды жизни. В этом отношении особенно характерен небольшой эпизод. Сержант Малинка с двумя краснофлотцами послан к станции, куда прибывает раненный японский солдат. В полуразрушенном доме советские моряки неожиданно встречают японца-сызвеста. И хотя перед разведчиками не плакательный злодей, а обычный человек с уставшим грязным лицом, они вынуждены убить его, чтобы выполнить задание.

Внешне все трое очень различно относятся к этому фронтному случаю. Молодой, необстрелянный Голубев потрясен случившимся. Зато бесшабашный Жук, стремясь показать, что ему все известно, упрекает товарища:

— У тебя, Юрка, силы, как у быка, а душа — телячья... Тебе бы в детском саду нянькой работать...

И тут вмешивается третий, наиболее опытный.

— Ты его душу без перчаток не лапай... хмуро отозвался Малинка. — Люди убитые — это самое поганое дело. А тут нужно было...

Морской десант, высаженный в корейском порту, оказался в тяжелом положении. Японцам удалось поджечь порт. Перейдя в контратаку, они любой ценой стремятся сбросить советских морских пехотинцев в море и захватить стоящие у причала корабли. Но на помощь морякам движутся части Советской Армии. Даже горы не в силах остановить их. С большой силой написана сцена перехода тяжелых танков через перевал. Узкая, каменная дорога ветвится над пропастью. По ней, вплотную прижавшись к скалам, осторожно движутся танки. Их гусеницы свешиваются над обрывом...

В повести немало действующих лиц. И большинство из них описано автором рельефно, полномерно. К числу удачных следует отнести образы капитан-лейтенанта Малахова и морского пехотинца Малинки. Ярким и запоминающимся получился характер балагура Виктора Жука, в тяжелый момент боя отдавшего жизнь ради спасения товарищей. Удались автору фигура молодого воина-радикала Голубева. В начале книги читатель видит его необстрелянным новичком. К концу повествования — это возмужавший человек, твердо решивший заместить выбывшего из строя Малахова и посвятить свою жизнь нелегкой флотской службе.

Повесть Успенского впечатляюще рассказывает о героизме, проявленном советскими моряками в войне с Японией. Но книга не только об этом. Два мира скрестили оружие в борьбе. Автор повесть «Колокол загворил вновь» переносит читателя через линию фронта, показывая и наших врагов, и зарубежных друзей.

Повесть молодого писателя уже замечена военными читателями. У моряков, когда корабль лежит на верном курсе, говорят:

— Так держать!

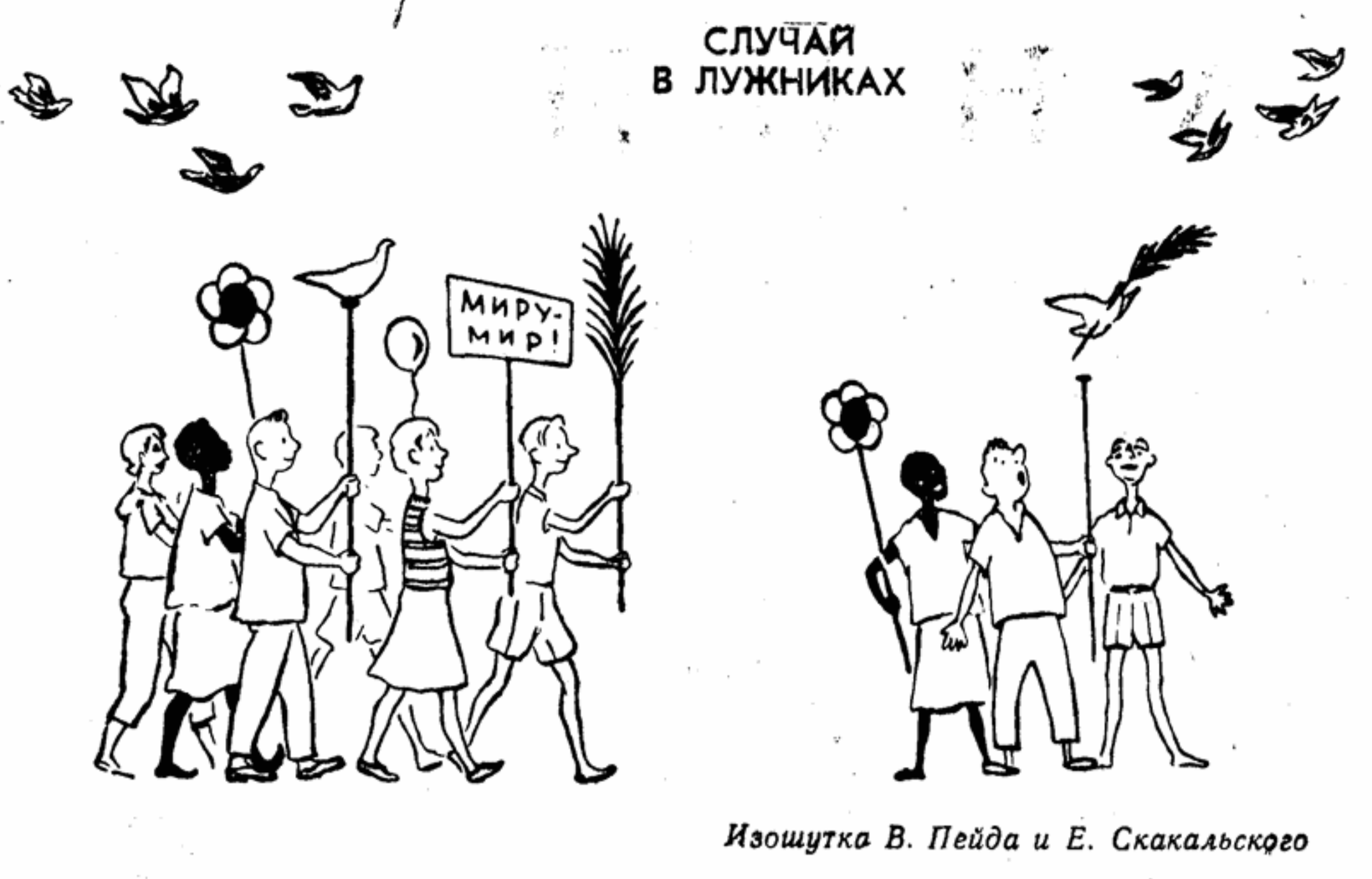
Эти слова и хочется сказать бывшему моряку-тихоокеанцу В. Успенскому, выступившему впервые в печати.

Ю. ЧЕРНОВ, капитан 3 ранга

Дом творчества имени А. П. Чехова

До войны в Ялте работала группа писателей, в стенах которой проводили свой творческий отпуск виднейшие литераторы страны — А. Фадеев, А. Гайдар, В. Луговской, П. Павленко, К. Тренев, А. Макаренко и другие. Во время фашистской оккупации дом был разрушен гитлеровцами. Сейчас на живописных склонах холма Дарсан выросло новое красивое здание Дома творчества Литфонда СССР. Оно рассчитано на шестнадцать человек. Каждому здесь предоставляется отдельная комната с балконом. Уже завезены мебель и необходимое оборудование.

На днях здание принято государственной комиссией и вступило в строй действующих. На открытие Дома творчества приехали писатели В. Лидин, Е. Пермяк, Е. Поповкин. Представители Литфонда СССР устроили вечер для строителей здания. Открытие было приурочено к 53-й годовщине со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова, имя которого присвоено новому Дому творчества.

СЛУЧАЙ В ЛУЖНИКАХ

Иллюстрация В. Пейда и Е. Скальскаго

ГОЛОС С БЕРЕГОВ НЕМАНА

НЕДАВНО в разных уголках Литвы состоялись траурные митинги у могил стариков, женщин и детей, зверски замученных фашистскими оккупантами. Так, 119 крестьян, жителей деревни Пирчюнас, гитлеровцы согнали в ямы, в риги, в хлев и подожгли — от деревни остался лишь пепел. Это было одно из последних кровавых злодеяний фашистских оккупантов в Литве, совершенное перед их бегством на запад.

И снова и снова вспоминаю сейчас своего хорошего друга, стойкого борца за свободу трудящихся, поэта Витаутаса Монтивилу. Его могила до сих пор не найдена. Мы знаем только, что гестапо расстреляло поэта в том месте, где слиялись Неман и Нерис, возле стен древней Каунасской крепости.

Память о Витаутасе Монтивиле живет в сердцах трудового народа Литвы; своими боевыми, страстными, талантливыми стихами он воздвиг себе памятник, которому не страшны ни ржавчина времени, ни ненастья дождливого неба.

В Литве произведения Монтивилы издавались в двух объемах: томик, который, однако, далеко не вмещает всего того, что написал поэт за свою короткую жизнь. Недавно томик стихов поэта Монтивилы был выпущен Гослитиздатом в Москве; поэт Л. Озеров дал возможность широкому читателю познакомиться с лучшими стихотворениями Монтивилы на русском языке. Будучи глубоко благодарен издателю и переводчику, я бы хотел воспользоваться этим случаем и сказать несколько слов о Монтивиле, поэте, чей образ все ярче горит в моей памяти.

Жизнь и поэтическое творчество Витаутаса Монтивилы неотделимы друг от друга; его литературное наследие — это его собственная биография.

Витаутас Монтивила родился в 1902 году в Чикаго, в рабочем литовском квартале. Потом, перед первой мировой войной, он с матерью приехал в родную уланскую партию Литву, откуда в свое время его родители, спасаясь от нужды, отправившись искать счастья за океаном. Будущий поэт ребенком батрачил у кулаков, позднее тяжелым трудом добился возможности получить образование. За деятельность, направленную против эксплуататорского буржуазного строя в Литве, Монтивила был арестован, отбывал тюремное заключение. Все эти годы он писал стихи, много работал как переводчик. В 1940 году, дождавшись освобождения своего народа, Монтивила загворил полным голосом — голосом хозяина отвоєванной земли. Его стихи были боевым эхом общего подъема трудового народа, борющегося за раздел помещичьих угодий, за национализацию фабрик и банков, за новую, советскую действительность.

Недолгая, но чистая и честная жизнь Витаутаса Монтивилы — это эпопея, с одной стороны — страдания народа, а с другой — радости борьбы за свободу. Еще в то время, когда политические

Витаутас Монтивила. Избранное. Гослитиздат. М. 1957. 176 стр.

Когда хвалят за благие намерения

БЕССПОРНО значение критики для роста и формирования новых талантов в литературе. Более того, сама история литературы уже давно доказала, что критика не менее важна и для талантов сформировавшихся, получивших общее признание. Но этим не исчерпывается значение критики. Критика, пожалуй, не в меньшей степени сама художественная литература, призванная воспитывать читателя, развивая в нем художественный вкус. Следовательно, оценивая критические выступления нужно прежде всего с точки зрения полезности для писателей и для читателей. Истинны эти новые и, конечно, широко известные. И говорится о них только затем, чтобы с этих позиций сделать несколько замечаний о критике в альманахе «Енисей» — органе Красноярского отделения Союза писателей.

Дело в том, что в последних книгах альманаха стали появляться критические статьи, от которых исходит какой-то унылый школярский примитивизм. Пересказывается содержание произведений, перечисляются «проблемы» да определяются, чему учит и что воспитывает в читателях произведения. Редко в такой статье можно найти анализ книги как художественного целого, как произведения искусства, а не проблемного трактата. А немногие замечания о художественных особенностях произведений — то неумеренно восторженные (если хотят сказать о достоинствах), то робкие и с оговорками (если речь идет о недостатках) — едва ли можно считать настоящим анализом. По таким замечаниям не составишь себе ясного представления о художественных особенностях произведения, о творческой манере автора, о том, что отличает его как художника от других писателей.

И думается, чаще всего происходит это не потому, что критик не имел определенного мнения о произведении, судить о котором он ввязался. Скорее в силу сложившегося правила, предписывающего критике обязательное доброжелательство, автор статьи прежде всего ищет, за что бы похвалить писателя. И если, случается, хвалит особенно не за что, то хвалит его просто за одни благие намерения. А у какого писателя их нет? Но так как о недостатках говорить все-таки надо, то у критика и получается: начало за здравие, а конец за упокой.

Так, А. Каминский в статье «О книге А. Попкова «Тайна голубого стакана» несколько раз опровергает самого себя. На странице, отведенной для похвалы, он пишет: «Книга учит постоянной бдительности, показывает звериний облик врагов, коварных (подчеркнуто здесь и везде в статье нами. — Д. К.) и жестоких, не гнушающихся любимыми преступлениями для достижения своих гнусных целей. Их проноси разбиваются о бдительность и сплоченность советских людей». А на другой странице он же утверждает, что у Попкова враг слаб и глуп, что «единственным живым существом, действительно пострадавшим от многообразных и страшных шпионов, являлся лишь... собака...» и что «едва ли не самыми деятельными разработчиками шпионов являются... сами шпионы». Где же здесь коварство врагов и бдительность советских людей? И чему в таком случае «учит» книга?

Справедливости ради следует сказать, что Б. Беляев не скрывает того, что он хвалит автора за одни его намерения. Он так и пишет: «Похвально стремление автора изобразить центрального героя не только в революционной борьбе, но и в личной жизни. Следует только приветствовать, что в романе изображается взаимная любовь Александра и Маршеницы, встреча Урлова с отцом и матерью». Не важно, плохо ли, хорошо ли сделано все это, стремление есть — и это уже похвально... Очевидно, только затем, чтобы смягчить тон критики, Беляев спускает ее «на тормозах», то и дело вставляя замечания об «удачах» автора романа. Среди них есть и такое: «Например, удачен образ подростка Алешки, его занятия, стремления, увлечения («Занятия, стремления, увлечения» тоже «удачны» — Д. К.), а описание крольчатника, который остался на попечение Алешки, дает нам возможность ясно представить и его внутренний вид, и обитателей его». Утешся, читатель! Ничего, что автор романа не дал тебе взглянуть во внутренний мир своих героев, зато ты имеешь возможность ясно представить внутренний вид крольчатника. Но такая похвала, пожалуй, хуже иной хулы.

Многолетнему труду писателя Сергея Сартакова — его роману-эпопее «Хребты Саянские» в альманахе «Енисей» было посвящено несколько критических выступлений. Роман этот по достоинству оценен критиками как произведение значительное, которое по праву заняло свое место в большой советской литературе.

А. ФЕСЕНКО СЕРДЦЕ МАТЕРИ

ЕСЛИ РУКИ ваши вынырнули хоть одного ребенка, если вы дожили до счастливого дня, когда вдруг увидели, что сын ваш уже не мальчик, а юноша, сильный, самостоятельный, с басящим голосом, с отцовской походкой, вас не может не волновать судьба героини рассказа Эльмара Грина «Мать» («Нева», № 6 за 1957 г.).

То неутешно горе, что перенесла эта простая финская женщина, могло обрушиться в недавние военные времена на плечи любой матери, где бы она ни жила, — в Финляндии или Японии, Германии или Кореи. И может обрушиться, если люди забудут о дружбе народов, о борьбе за мир, если опять над городами и селами запылают огонь войны.

В противоположность тем писателям, которые увлекаются сложностью сюжетных построений, необычностью биографии героя, внешними эффектами, Эльмар Грин — художник, мы бы сказали, «обыденного», «земного», «будничного» в жизни. В рассказе «Мать» тот же мир, что и в предыдущих произведениях писателя: финская земля, хуторской быт, деревенские труженики, их повседневные дела. Но это не бескрылое бытописание, потому что «обыденное» дано через человека, переживающего духовное обновление.

Вот она, Вилма Туоиминен, полная сил и здоровья, еще румянящаяся и крепкая, встает с постели в это сентябрьское утро, умывается, обходит свое хозяйство, доит коров. Все она делает, как и прежде, ибо привыкла выполнять это в течение многих лет. Но разве теперь забыть ей роковое письмо, лежащее на комод, разве унять боль в материнском сердце? Когда-то на войне погиб ее муж, а теперь убит и сын Вайно — ее последняя радость.

С редкой наблюдательностью, присущей тонкому художнику-психологу, автор проследивает, как материнское чувство, владеющее всем существом этой женщины, заставляет ее вестись из лесу неизвестного раненого юношу, а потом перевязывать в бане его раны, отпаивать куринным бульоном, слыть ночь напролет у его изголовья, идти на хитрость, выпрашивая у соседки столетника.

При этом она думает только об одном: чтобы «не оспиротела еще одна финская мать». Пусть он будет даже из тех, кто прятался от войны в лесу. Что ж, давали же им другие финны еду и махорку. И она, мать, сделает свое дело. Ведь он был так похож на ее погибшего сына, этот неизвестный юноша. Нет, она не могла допустить, чтобы он тоже погиб. «Непринято надо его спасти» — с этой мыслью совершает Вилма Туоиминен свой материнский подвиг.

Так уверенно набрасывает писатель сложный рисунок человеческой души: все в его героине, в ее внешнем и внутреннем облике убедительно, как убедительна сама жизнь. Вместе с тем чувствуется, что характер этой женщины полностью еще не раскрыт, что конфликт ее с жизнью вперед. И это ощущение оправдывается. Когда благодаря стараниям Вилмы Туоиминен юноша пришел в себя и немного окреп, она вдруг слышит чужую — русскую речь и брошенное в отчаянии: «Ну, что стоишь? Или зови своих полицейских». Драма в этих сценах достигает сильнейшего накала, и мы с напряжением следим за борьбой двух противоположных чувств — долгом матери и неадекватности к тем, кого ее приучили считать «врагом финской земли».

Вилма Туоиминен уже готова сообщить, куда следует, о русском раненом, потому что разум ей диктовал: убить его надо, убить! И все же, когда русский пытается бежать и едва не замерзает ночью, она опять вырывает его у смерти, так как не могла поступить иначе. «Она была рождена для того, чтобы давать жизнь, распространять жизнь вокруг себя».

Призвание матери Вилма Туоиминен выполнила с честью. Она слышит от того, кого вырвала у смерти, неумело сказанные по-фински слова: «Ты великая мать». И это окончательно просветляет ее душу. Оказывается, спасенный ею русский вовсе не такой уж страшный враг.

ПО ПОВОДУ КРИТИКИ В АЛЬМАНАХЕ «ЕНИСЕЙ»

«Эпопея «Хребты Саянские» состоит из трех книг... Она создавалась на протяжении 18 лет. Естественно, что ощущается разница в стилях между отдельными частями и некоторая неравнозначность художественных достоинств». По логике вещей из такой посылки можно сделать только одно заключение: третья часть должна быть совершеннее первых — требовательный к себе художник не должен писать хуже, чем 10—15 лет тому назад. Но послушаем А. Толстую:

«Первая книга посвящена главным образом семейно-бытовым вопросам. Много внимания уделяет автор личным судьбам героев... И, пожалуй, первая книга написана наиболее волнованно, лирически, проникновенно... Вторая книга «Горит Восток» повествует о том, как постепенно герои находят в жизни дорогу. Личные судьбы отодвигаются автором на второй план — на первый план выдвигаются исторические события, и здесь уже намечается явный спад тона и напряженности эмоционального восприятия, которое вызвала первая книга».

Все у автора статьи изложено так словно иначе в произведении и быть не могло. Писатель и читатель ждут от критика серьезного, объективного разбора, а он вдруг становится в позу некоего литературного адвоката... К чему это?

«В третьей книге «Пробито пулями знамя» автор главное внимание сосредоточивает на революции 1905 года. В соответствии с жизненной правдой рисует С. Сартаков этот исторический период. Продолжая традиции, сложившиеся в советской литературе (Фурманов, Серафимович, И. Островский), автор использует богатый документальный материал, художественно претворяя его. Но здесь события уже заслоняют людей, хотя события и совершаются самими людьми. Третья книга написана сущее, лаконичное, строже и... холоднее».

Вот тебе и естественная «неравнозначность художественных достоинств». Но почему все-таки книга получилась «холоднее»? Ведь, как уверяет критик, автор писал ее «в соответствии с жизненной правдой», следовал традициям лучших советских писателей, художественно «претворял» исторические события и даже написал ее «лаконичнее, строже», то есть все делал так, как и подобает делать зрелому мастеру художественного слова. А вот поди ж ты, книга получилась все-таки холоднее. Такая критика ничего не может дать писателю и способна лишь запутать читателя.

Нет, мы не против доброжелательной критики. Но мы против критики половинчатой, непоследовательной, которая ведется под флагом доброжелательности. И доброжелательная критика прежде всего должна быть принципиальной. — это знает каждый. Доброжелательная критика, по нашему мнению, — это такая критика, которая без обиняков и оговорок хорошее называет хорошим, а плохое — плохим, которая с одинаковой силой страсти поднимает на щит сильные стороны в творчестве писателя и обрушивается на посредственность и фальшь, не боясь обидеть писателя. Да и вряд ли критика, если она справедлива, хоть и резка, может обидеть настоящего писателя.

Д. КАРПОВ

НА КОНФЕРЕНЦИИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В ТОМСКЕ состоялась конференция читателей «Литературной газеты», созванная редакцией совместно с областным литературным объединением.

По докладу о работе газеты, сделанному членом редколлегии Г. Марковым, развернулось оживленное обсуждение. Выступившие подчеркивали, что ряд проблем, поднятых «Литературной газетой» за последнее время, нашел поддержку и отклик у общественности. Вместе с тем читатели отметили немало существенных недостатков в работе газеты, высказали свои замечания и пожелания.

Журналист Г. Паздаников предложил больше внимания уделять детской литературе, журналам для детей, оперативней связываться с новыми книгами, регулярно печатать читательские письма о них. Хотелось бы чаще видеть на страницах органа Союза писателей статьи старших писателей — мастеров художественного слова.

Магазины Книготорга и потребкооперации плохо продают книги в массы, — сказал Г. Паздаников. — Газете следовало бы организовать массовый рейд по проверке торговли книгами. Нужно добиться полного разрешения вопроса, поставленного в статье Саввы Коженикова «Назревшее», в которой писатель требует ликвидировать областные книжные «барьеры».

Главный редактор Томского областного театра Г. Иванов высказал пожелание, чтобы на страницах газеты регулярно появлялись материалы по теории литературы и искусства, но вопросам марксистской эстетики. Очень важно, чтобы здесь печатались обзоры, рецензии, рецензии на постановки местных театров.

Библиотечные работники, — говорит директор областной библиотеки М. Никитина, — последние между писателем и читателем. Читатели часто спрашивают нас, над чем работает тот или иной писатель. А что мы можем ответить, если писательская газета на этот счет печатает крайне мало материалов?

Директор Томской филармонии В. Цейтлин рекомендовал публиковать странички, посвященные жизни краевых и областных писательских организаций, например, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья и т. д. Цейтлин предложил также, чтобы «Литературная газета» прорецензировала основные статьи по вопросам литературы и искусства, опубликованные во втором издании «Большой Советской Энциклопедии».

Я. Кошелев, доцент педагогического института, упрекнул газету в том, что она проявляет мало заинтересованности в ряде важных вопросов литературоведения. Г. Ельшов, директор местной телестудии, отметил, что «Литературная газета» еще не дала интересных материалов о том, как советский народ осуществляет лозунг — догнать в ближайшие годы США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Следует настойчиво и результативней вести борьбу за охрану природы. Разнообразней и интересней должны быть субботние номера. Газета неспроста мало дает материалов по вопросам телевидения, работы телестудий, особенно периферийных. В заключение Г. Марков ответил на многочисленные вопросы читателей. На конференции присутствовало более двухсот человек.

ТОМСК А. ПУГАЧЕВ

Л Е Т О М В Д А Н И И

1. В знойном Копенгагене

КОГДА ФРЕГАТ «Паллада» подошел к Копенгагену, Гончаров мечтал «схватить на суку» на берег, обогать город, взглянуть на его живописию, «на картину людей, быта, немного расправить ноги после качки, поест свежих устриц». Но ничего этого не случилось. Заревел шторм. Сообщения с берегом не было. И трое суток в печальном бездействии, не имея возможности попасть в Копенгаген, князя судьбу, писатель провел на фрегате «в виду берега».

В бурю подошел к берегам Дании и корабль, на котором пассажиром был Карамзин. Вот последний заграничный запис в «Письмах русского путешественника»: «Вчера ночевали мы переезжая Копенгаген. Как мне хотелось в город. Жесткий капитан не дал дозволить».

Вера описаниям и другим путешественников, я рассчитывал встретить в Дании дожди и туманы. Солнце, однако, привлекательно сияло над просторами Балтики, когда тесть от нашего самолета бежала по земле острова Борнхольм.

Дания встречала нас прекрасной солнечной погодой. Солнце слепило глаза, когда самолет, снижаясь над проливом Зундом, делал обычный круг, чтобы приземлиться на аэродроме Каструп близ Копенгагена. При выходе под крылом проходили и шведский берег, шведская земля, над которой реяли легкие облака. Наглядным становилось поперечное изгибание ряда проливов, что в результате ряда проливных войн столица Дании оказалась на самой ее границе. География здесь спорит с геометрией. Центр находится на периферии.

Когда наш автомобиль остановился в центре Копенгагена, у отеля «Аксельборг», а с трудом дышал, изменяя от жары.

«34 градуса в Копенгагене» — эта строка жирным шрифтом напечатана на первой странице газеты «Политикен». Она превращает даже сенсационную фотографию, на которой гостивший в Дании Неру и датский премьер-министр Хансен изображены в тот момент, когда, сидя рядом, они управляют детским автомобильчиком на аттракционах в увеселительном парке «Тиволи».

— Это Неру привез с собой из Индии такую жару, — слышал я разговоры на улицах Копенгагена.

Журналисты же утверждали: «Неру сказал, что даже ему трудно переносить здешнюю жару».

От зноя копенгагенцы пытаются спастись под тенью раскинутых бумов в городских парках, которые теперь напоминают пляжи; приморские же пляжи Копенгагена гремят тел похорои на лежанках котиков на Командорских островах.

На распыленном солнечными лучами асфальте дети, играя, пальчиками пишут свои имена. На Королевской площади полицейский в дымчатых очках, скинув куртку вопреки всем правилам, регулирует стремительное уличное движение, стоя в рубашке с закатанными рукавами.

В самом центре города, на проспекте-бульваре Ганса Христиана Андерсена, напротив ратуши, на многоэтажном доме возвышается башня с желтым флагом. Эта башня знаменита. На вершине ее устроена ниша. Когда барометр предвещает хорошую безоблачную погоду, из ниши выезжает на бронзовом велосипеде позолоченная девушка. Когда следует дождь, откуда появляется фигура женщины с раскрытым над головой зонтиком. Один из углов башни — огромный термометр с двадцатиметровой шкалой, светящейся по вечерам. Внизу, напротив башни, — кафе. Барометр и термометр эти имеют прямое отношение к кофе — излюбленному в Дании напитку. Кофе здесь пьют по любому поводу и без повода. И меня всерьез уверяли, что причина предрезанной смерти многих сельских почталов (до сих пор шеголяющих в традиционных яркочерных пиджаках) — отравление кофе.

Каждый адресат, которому почтальон приносит письмо, считает своим долгом поднести ему чашечку кофе. Отказаться — значит обидеть. А за день почтальон доставляет не меньше полутоны писем...

Однако настоящий кофе очень дорог. После войны он вздорожал в четыре раза, и не всем по карману. Зато суррогатный кофе, производимый фирмой «Ряк», раз в шесть дешевле настоящего и, как уверяет реклама, не отличается от него по аромату, а для здоровья даже полезней. И вот желтый флаг с надписью «Ряк» развевается над башней-барометром, потому что она, да и весь дом, в каждом этаже которого размещаются десятки котиков и коммерческих представителей, построены, если можно так сказать, на кофейной гуще и принадлежат фирме «Ряк».

Каждое утро и каждый вечер я с надеждой смотрел на эту башню, мечтая, наконец увидеть не велосипедистку, а даму под зонтиком. Но за весь месяц она появилась только на один час перед быстро прошедшей над Копенгагеном грозой.

В один из таких знойных дней мы вместе с известным писателем и художником Хансом Шерфигом сидели вблизи «Китайской пагоды» за столиком одного из многочисленных кафе в «Тиволи».

Речь у нас шла о том, что если писатель способен лишь образно изображать факты, но не находит им места в общей картине жизни, то он обязательно искалит те самые факты, которые намеревался воспроизвести во всей их впечатляющей наготе.

— Если бы я писал, полагаясь лишь на свои непосредственные впечатления и доверяя только своим ощущениям, я должен был бы написать, что летом здесь парит тропический зной. Пусть это противоречит учебникам, утверждающим, что в Дании теплая зима, но прохладное лето. Однако ведь я живой очевидец...

Поблескивая через очень толстые стекла очков умными глазами, Шерфиг говорит: — Вот вам подходящая к нашему разговору история.

Он встает, берет шляпу, рассказывает Шерфигу историю, которую он читает деловую резолюцию, но вдруг, как бы невзначай, улыбается, и тогда улавливаешь его сходство с поэтом Михаилом Словцовым.

— Когда, наконец, я уговорил мою жену выйти за меня замуж, — говорит он (жена Шерфига — художница Элизабет Карлениус, уроженка Вены), — я привез ее сюда и, разумеется, в первый же день захотел показать Копенгаген. С чего начинаешь знакомство с этим городом? Шерфиг показывает на пепельницу, где изображена бронзовая девушка с рыбьим хвостом, взвращающаяся на большой камень у набережной. Это героиня сказки Андерсена «Русалочка», у всех на виду тоскующая о своем негодном принце. Статуя эта, вернее, ее изображение стало как бы вторым гербом города. Воспроизведенная в красках, фарфоре, густыми глазами она смотрит на нас из тысячи сверкающих витрин...

— Так вот, повел я Элизу познакомиться с Русалочкой. Только мы подошли к ней, как из воды на берег выплывает моряк, лицо его окружено курткой оборвана. Он только что участвовал в драке, и противники для охлаждения бросили его в воду. Увидев меня, моряк громко засмеялся, подлая приветственно руку и радостно завопил: — Здравствуй, Ханс! Я быстро отвел жену от моря, а она с укором спросила: — Почему ты меня не предупредил, что все это — алкоголь в Копенгагене твои друзья?

— Мы сняли квартиру, — продолжает Шерфиг, — на одной улице с домом для душевнобольных. Они гуляли поблизости. И в первом же письме к матери в Вену Элиза написала, что Копенгаген город приятный, но латчане, по всей видимости, народ вырождающийся, на улице очень много слабоумных. Тогда я переименовал квартиру. Новое наше жилье на этот раз оказалось вблизи от дома инвалидов. И во втором письме к матери в Вену Элиза уже сообщила, что она ошиблась: среди латчан есть умные люди, но среди них и сожаления, слишком много безумных и безоглятых. Больше четверти века живет она в Копенгагене, и о чем теперь пишет матери — я не знаю, — улыбается Шерфиг доброй, так располагающей к нему улыбкой.

Непосредственные впечатления от Дании, где неравным браком сочетаются высокий уровень жизни и высокий уровень безработицы, прекрасные законы и несправедные судьбы, арабийский кофе и суррогат фирмы «Ряк», не могут не быть противоречивыми. Дания принадлежит к числу стран с наименьшей детской смертностью и наибольшим процентом самоубийств. Она занимает одно из первых мест в мире по производству на душу населения масла и по потреблению этой же души маргарина.

Доверяя только своему непосредственному впечатлению, можно за маргарин не увидеть масла или, наоборот, заблуждаясь первоклассными кооперативными масляными заводами, легко проглядеть маргарин... Можешь обмануться так же, как обманываешься, когда идешь по нарядной Вестерборгаде: взглянешь на витрину и, увидев на этикетке цифру, взмучаешься дешевой отличной мужского костюма. А подойдешь поближе и увидишь, что цены проставлены в долларах или фунтах стерлингов... Это для удобства англо-американских туристов (коих в 1955 году здесь побывало свыше ста тысяч человек). Или вот на

Геннадий ФИШ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

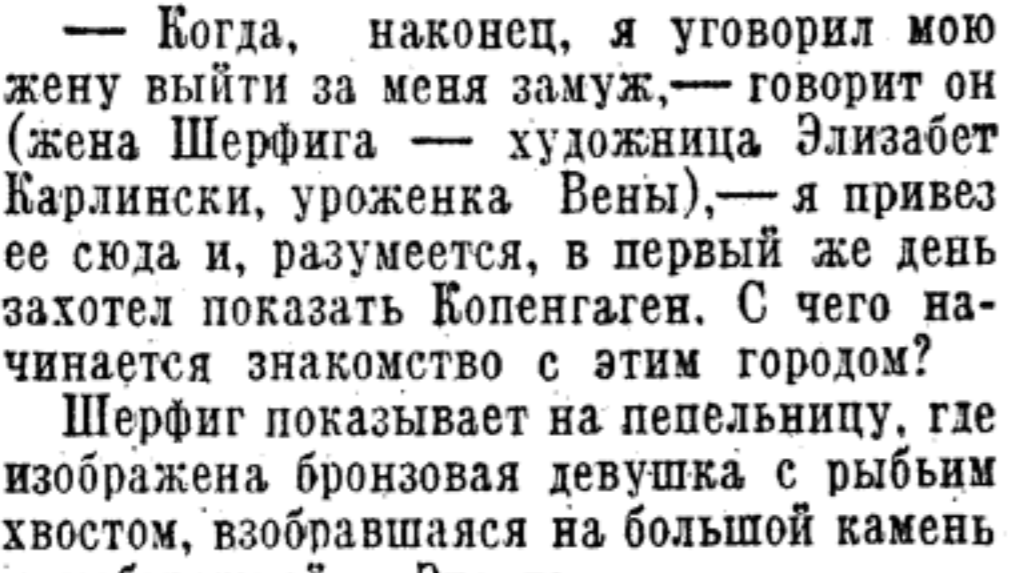
большом круглом ярлыке над радиоконбайном, соединяющим в себе телевизор, радио и магнитофон, на желтом фоне жарно стоит — 213 крон. А в соседней витрине над пишущей машинкой — 27 крон. На самом же деле обе эти цифры обозначают лишь месячный взнос при покупке радиоконбайна или машинки — в рассрочку на год. Полная же их цена написана на маленькой этикетке цифрами, значительно более мелкими. Сразу и не разглядишь.

Но все же есть и такие непосредственные впечатления, которые настойчиво, ежесекундно, на каждом шагу бросаются в глаза, которые не нуждаются ни в каком анализе и ясно и без таблиц прекрасно составленного «Статистического ежегодника».

Да, я не впаду в ошибку ложного обобщения, когда скажу, что все датчане, все копенгагенцы отличные велосипедисты. Херлуп Бидstrup правильно заметил однажды: «Дания — маленькая страна, густо населенная велосипедистами».

В седьмом часу утра я раскрываю окошко из своего номера в отеле вижу неослабный поток велосипедистов, вернее, велосипедисток всех возрастов. В руках и сидениях велосипедов прикреплены плетеные корзинки. Это домашние хозяйки устремлены на овощной, на рыбный рынок, на цветочный базар. К девяти часам они уже закрыются, и на том месте, где недавно жены рыбаков в национальных костюмах бойко торговали уловом своих мужей, никого не останется. И только на чисто пометенной набережной

Рисунки для «Литературной газеты» датского художника ХЕРЛУПА БИДСТРУПА.

«Русалочка».

по-прежнему будет возвышаться статуя продащицы рыбы, а вокруг будут поблескивать вывески ресторанов, сделанных своей специальностью рыбные блюда.

Велосипедов столько, что перейти через улицу в неуказанном месте пешеходу невозможно.

Вместе с обыкновенными велосипедами в этом потоке катятся и трехколесные с фургончиками, в которых раскладываются хлеб и другие товары из магазинов и в магазинах. На многих фургончиках — рекламные надписи или фамилии владельцев предприятий. Велосипеды самых разнообразных форм, марок, расцветки, фирм. Есть и легкие мотоциклы.

Настоящая «велосипедная симфония!»

Проходит час, я снова подхожу к окну. По-прежнему на мостовых господствуют велосипедисты. Но сейчас в этой лавине преобладают мужчины. Мужчины и женщины с портфелями. Это чиновники, клерки, служащие, приказчики спешат на службу. К девяти часам утра вместо развернутого строя велосипедных шеренг уже катятся только цепочки велосипедистов — поток разрежается, чтобы с новой силой помчаться по улицам после пяти часов, когда весь рабочий и службный люд затормозится по домам. Тогда снова горе пешеходу, застигнутому велосипедной бурей!

Когда владельцы велосипедов заняты своим трудом, велосипеды стоят кружками у памятников, шеренгами перед заводами, поджидая хозяев, лежат на траве в парках. Они сгрудились у тротуаров, почти вплотную примыкая друг к другу так, что трудно найти между ними брешь. Ночью идешь по спящему городу и видишь, как повсюду понуро стоят бесчисленные велосипеды. Они неуютно на улицах, так же как и тысячи автомобилей, выстроенных шеренгами вдоль тротуаров, вдоль бульваров, словно где-то поблизости стадион, на котором происходит

международная встреча по футболу. Обилие велосипедов создает свою психологию, рождает свои мечты. Сидящий в корзинке за спиной матери карапуз мечтает о трехколесном велосипедике; восседающий на трехколесном с нетерпением ждет того дня, когда ему подарят пусть детский, но двухколесный; подросток, владеющий «взрослым» велосипедом, собирается на канюках объехать на нем страну и уже мечтает о легком мотоцикле... Писатель Чарльз Хаубелль, который работает над сочинением, посвященным жизни и быту посельских, уверял меня, что обладание велосипедом настолько изменяет сознание и быт, что он разделил свою работу на две части. В первой книге будет рассказано о посельских до тех пор, пока они не сели в седло. Вторая посвящена рассельским велосипедистам.

С одним из них я познакомился в ресторанчике, который носит неожиданное название «Божьяны штаны», основанное еще в восемнадцатом веке. Тогда это была харчевня, за столами которой восседали преимущественно копенгагенские извозчики и кучера дилижансов, штаны у которых сзади были обшиты кожей. Теперь этот ресторан, расположенный поблизости от Королевской оперы, посещается литературной, артистической богемой.

В переполненном тесном зале мы присели к столику, за которым выжидали уже не первую бутылку шива двое немолодых мужчин. Узнав, что я из Советского Союза, они пожелали угостить меня. При этом один из них, оказавшийся рассельским велосипедистом, все время уговаривал меня: — Если вы хотите по-настоящему узнать Копенгаген, вам лучше всего непременно в Королевском парке, там теперь я ночую. И вовсе не потому, что поспорил с женой, а потому, что в такую духоту на улице лучше, чем в комнате. Идемте, я вам окажу протекцию... Второй собеседник, сообщивший нам, что он малор, коммунист, перебил: — Не слушайте его, он анархист!..

Так я узнал, что среди велосипедистов изредка попадаются и анархисты. Впрочем, они совсем ручные. Один датский художник изобразил здешинего анархиста, который мчится на велосипеде (опять велосипед!), держа в руках бамбу с зажженным, уже дымящимся фитилем. Но на перекрестке на светофоре красный свет, и анархист останавливается...

Я заметил, что все велосипеды здесь без номерных знаков, и легкие мотоциклы тоже. — Да у нас ни велосипеды, ни легкие мотоциклы не имеют номеров. Для того, чтобы ездить на легком мотоцикле, даже не надо водительских прав, нужно лишь иметь квитанцию о страховании на случай аварии, — объясняет мне спутник. Он мотоциклист, его жена, дочь и сын — велосипедисты.

Извещивая дополнительные средства на непрерывно растущие военные расходы, правительство Дании из года в год находит все новые статьи обложения. — Почему же оно не вводит номерные знаки на велосипеды? Ведь это было бы дополнительным источником финансирования? — спросил я одного датчанина. — Да что вы! — стал он отмахиваться обеими руками. — Такая мера вызвала бы у нас мятеж! Впрочем, — улыбаясь добавил он, — если бы это восстание не завершилось победой до шести вечера, оно было бы проиграно.

— Почему? — Да потому, что все до одного пошли бы обедать. У нас никто обеденного часа не пропускает. Да, жизнь здесь у тех, кто имеет работу, размерена, регламентирована, рассчитана по часам, расписана по эре, но все же это мнение датчанина о своих соотечественниках несправедливо.

Здесь есть немало людей, готовых отдать «душную свою за друга свою». Об этом свидетельствуют хотя бы каждодневные, «будничные» подвиги рыбаков Ютландии, спасающих людей с гибнущих во время штормов судов. Когда народ вдохновляется единой целью, его не остановит огонь светофоров, он выйдет на улицы, затопляя и тротуары, и мостовые. Так, к примеру, было в апреле прошлого года, когда перед зданием парламента демонстративно и собранно на митинг почти девять тысяч рабочих столицы, требуя повысить заработную плату.

Когда народ обуревают высокие идеи независимости и справедливости, он готов и на массовые подвиги. Прямое доказательство этому — героическая летопись движения Сопротивления в годы оккупации Дании гитлеровцами. Памятники героям этого движения с именами погибших, расстрелянных мы встречали почти в каждом селении.

Их немало и в самом Копенгагене, начиная от прекрасной, полной трагизма скульптурной группы, возвышающей за городом на том месте, где гитлеровцы расстреливали датских патриотов, до простого большого якоря, лежащего на набережной у начала старинной «Новой гавани» — памятника патриотам, погибшим в море в годы борьбы за освобождение Дании от фашистской оккупации. Каждый день я видел, как женщины приносили к этому якорю живые цветы.

Голуби над стадионом

Нелегко изучить и запомнить «географию» дружеских игр. В манере университетов на Ленинских горах соревнуются борцы, на трехе стадиона Юных пионеров — велосипедисты, в Лефортове, на стадионе «Энергия», — игроки в настольный теннис. Все — в разных концах Москвы. Но и тем любителям спорта, которые решили до конца игр записаться в Лужниках, тоже нужны хорошие ноги. Попробуйте-ка с Большой спортивной арены послать на Малую, откуда в плавательный бассейн, из бассейна в теннисный городок, а затем во Дворец спорта!

Дворец спорта стал в эти дни местом паломничества любителей бокса. Болельщики мастерам кожаной перчатки осматривают заветные чемпионы игр. Многие из них, по мнению самих придирчивых специалистов, заслуживают очень высокой оценки. Превосходно боксирует с Винни Кауко — участник сборной команд Финляндии — двадцатипятилетний серб Медар Митрович. В его боевом искусстве это была 217-я по счету победа.

После боя я беседовал с Митровичем. Переодичник не потребовался, мы отлично понимали друг друга. — Я в Советском Союзе никогда не был, — сказал Медар, — и очень рад, что выиграл свой первый бой на московском ринге. Хорошо бы и в последнем победить, но...

Эти «но», конечно, имеются. Что же, на то и спорт, на то и бокс: во всяком случае, будущий инженер-экономист, каким Медар мечтает видеть себя в жизни, безусловно, располагает шансами унести к себе на родину, в Югославию, медаль победителя или призера молодежных игр.

Надо сказать, что уровень спортивного мастерства участников игр весьма высок. Давно уже не приходилось любителям легкой атлетики наблюдать такую острую борьбу, какая развернулась в беге на 10000 метров между москвичом Петром Болотниковым и австралийцем Аланом Лауренсом. Москвич сразу, как говорили на трибунах, пошел в темпе Куша и оторвался от своих соперников метров на сорок. Лауренс методично сокращал просвет и в конце концов догнал Болотникова. Решающие события произошли на последней финишной прямой. Австралиец попытался резким рывком выиграть, но Болотников выдержал и оказался быстрее. Болотников и он ничего не мог противопоставить ответному рывку Болотникова. Москвич закончил дистанцию в звание чемпиона и нового рекордсмена игр, а Лауренс — призером. И первое, что сделал победитель, — это пожал своему достойному сопернику руку и поблагодарил его. Хороший венец хорошего бега!

С букетами цветов, провозимые аплодисментами трибуны, покинули недавние противники «поле боя», а над ним в это время мирно кружили белые голубы, избравшие, должно быть, своим местожительством Лужники.

Подобно чаю, летящему над стадионом, в небе над чашей Центрального стадиона имени В. И. Ленина высятся голубы. Конечно, не столько присутствие голубов, сколько другие факты и детали свидетельствуют о том, что игры эти — подлинно дружеские.

Разумеется, поражения, а особенно неожиданные, не приносят спортсменам радости, но и в этих случаях нельзя нарушать законы спортивной этики. Приятно отметить, что до сих пор игры не омрачались даже намеком на подобные нарушения. Хотя неожиданно участником сборной команд Финляндии — двадцатипятилетний серб Медар Митрович. В его боевом искусстве это была 217-я по счету победа.

После боя я беседовал с Митровичем. Переодичник не потребовался, мы отлично понимали друг друга. — Я в Советском Союзе никогда не был, — сказал Медар, — и очень рад, что выиграл свой первый бой на московском ринге. Хорошо бы и в последнем победить, но...

Эти «но», конечно, имеются. Что же, на то и спорт, на то и бокс: во всяком случае, будущий инженер-экономист, каким Медар мечтает видеть себя в жизни, безусловно, располагает шансами унести к себе на родину, в Югославию, медаль победителя или призера молодежных игр.

Надо сказать, что уровень спортивного мастерства участников игр весьма высок. Давно уже не приходилось любителям легкой атлетики наблюдать такую острую борьбу, которая развернулась в беге на 10000 метров между москвичом Петром Болотниковым и австралийцем Аланом Лауренсом. Москвич сразу, как говорили на трибунах, пошел в темпе Куша и оторвался от своих соперников метров на сорок. Лауренс методично сокращал просвет и в конце концов догнал Болотникова. Решающие события произошли на последней финишной прямой. Австралиец попытался резким рывком выиграть, но Болотников выдержал и оказался быстрее. Болотников и он ничего не мог противопоставить ответному рывку Болотникова. Москвич закончил дистанцию в звание чемпиона и нового рекордсмена игр, а Лауренс — призером. И первое, что сделал победитель, — это пожал своему достойному сопернику руку и поблагодарил его. Хороший венец хорошего бега!

С букетами цветов, провозимые аплодисментами трибуны, покинули недавние противники «поле боя», а над ним в это время мирно кружили белые голубы, избравшие, должно быть, своим местожительством Лужники.

Подобно чаю, летящему над стадионом, в небе над чашей Центрального стадиона имени В. И. Ленина высятся голубы. Конечно, не столько присутствие голубов, сколько другие факты и детали свидетельствуют о том, что игры эти — подлинно дружеские.

Разумеется, поражения, а особенно неожиданные, не приносят спортсменам радости, но и в этих случаях нельзя нарушать законы спортивной этики. Приятно отметить, что до сих пор игры не омрачались даже намеком на подобные нарушения. Хотя неожиданно участником сборной команд Финляндии — двадцатипятилетний серб Медар Митрович. В его боевом искусстве это была 217-я по счету победа.

После боя я беседовал с Митровичем. Переодичник не потребовался, мы отлично понимали друг друга. — Я в Советском Союзе никогда не был, — сказал Медар, — и очень рад, что выиграл свой первый бой на московском ринге. Хорошо бы и в последнем победить, но...

Эти «но», конечно, имеются. Что же, на то и спорт, на то и бокс: во всяком случае, будущий инженер-экономист, каким Медар мечтает видеть себя в жизни, безусловно, располагает шансами унести к себе на родину, в Югославию, медаль победителя или призера молодежных игр.

Надо сказать, что уровень спортивного мастерства участников игр весьма высок. Давно уже не приходилось любителям легкой атлетики наблюдать такую острую борьбу, которая развернулась в беге на 10000 метров между москвичом Петром Болотниковым и австралийцем Аланом Лауренсом. Москвич сразу, как говорили на трибунах, пошел в темпе Куша и оторвался от своих соперников метров на сорок. Лауренс методично сокращал просвет и в конце концов догнал Болотникова. Решающие события произошли на последней финишной прямой. Австралиец попытался резким рывком выиграть, но Болотников выдержал и оказался быстрее. Болотников и он ничего не мог противопоставить ответному рывку Болотникова. Москвич закончил дистанцию в звание чемпиона и нового рекордсмена игр, а Лауренс — призером. И первое, что сделал победитель, — это пожал своему достойному сопернику руку и поблагодарил его. Хороший венец хорошего бега!

С букетами цветов, провозимые аплодисментами трибуны, покинули недавние противники «поле боя», а над ним в это время мирно кружили белые голубы, избравшие, должно быть, своим местожительством Лужники.

Подобно чаю, летящему над стадионом, в небе над чашей Центрального стадиона имени В. И. Ленина высятся голубы. Конечно, не столько присутствие голубов, сколько другие факты и детали свидетельствуют о том, что игры эти — подлинно дружеские.

Разумеется, поражения, а особенно неожиданные, не приносят спортсменам радости, но и в этих случаях нельзя нарушать законы спортивной этики. Приятно отметить, что до сих пор игры не омрачались даже намеком на подобные нарушения. Хотя неожиданно участником сборной команд Финляндии — двадцатипятилетний серб Медар Митрович. В его боевом искусстве это была 217-я по счету победа.

После боя я беседовал с Митровичем. Переодичник не потребовался, мы отлично понимали друг друга. — Я в Советском Союзе никогда не был, — сказал Медар, — и очень рад, что выиграл свой первый бой на московском ринге. Хорошо бы и в последнем победить, но...

Эти «но», конечно, имеются. Что же, на то и спорт, на то и бокс: во всяком случае, будущий инженер-экономист, каким Медар мечтает видеть себя в жизни, безусловно, располагает шансами унести к себе на родину, в Югославию, медаль победителя или призера молодежных игр.

Улица Воровского, 52

МОСКВА, улица Воровского, 52. Союз писателей СССР — сюда ежедневно приходят десятки писем и бандеролей из разных стран мира. А в эти дни не только адреса, но и дорога к Союзу писателей стала знакомым многим литераторам зарубежных стран — гостям и участникам фестивалей. Это — один из первых домов, куда спешат они, приехав в Москву.

Приходят поодиночке и целыми делегациями. Только что приехали и сразу же пришли сюда итальянские писатели: крупный искусствовед, главный редактор еженедельника «Коммунтарано» Антониелло Тромбадори; критик и поэт-переводчик Витториньо Страда, немало сделавший для знакомства итальянских читателей с советской литературой; прозаик, автор романа «Характеры» и других произведений, Ла Кава; критик и журналист, автор известной в наше время «Беседы с Гольятти» Мауриньо Феррари и вице-директор издательства «Паренти» Черрути. У каждого здесь свои дела.

Давно мечтала о поездке в Москву выдающаяся югославская поэтесса Десанка Мансимонович. Ей очень хочется

встретиться со своими братьями, а еще больше — с сестрами по перу. С трудом, не зная языка, добрался из «Северной» гостиницы до улицы Воровского молодой вьетнамский писатель Нгуен Кхай. Ему всего 24 года, а имя его хорошо известно.

Самые разные и неожиданные встречи происходят в иностранной комиссии. Здесь «нашли» друг друга два англичанина — Юэн Маккол и Гвин Дэвис. Маккол — талантливый прогрессивный драматург, автор пьес, направленных против войны, — «Уран 235» и «Поезд можно остановить». Его новая пьеса «Прощание на ярмарке» будет показана на фестивале.

Пришел в Союз писателей и Ж.-П. Шаброль, один из талантливых представителей французской прогрессивной литературы, автор романов «Последний патриот», «Бу-Гай», «Колодецкий цветок». За несколько дней здесь побывали южноафриканская писательница Филлис Алтман и чилинская поэтесса Пракседес Уртутта, крупнейшая израильская поэтесса Хая Кадмон-Фаркас, чехословацкие и болгарские писатели.

После продолжительной тяжелой болезни скончался внучка Л. Н. Толстого, директор Государственного музея Л. Н. Толстого — София Андреевна Толстая-Есенина.

София Андреевна родилась в 1900 году в Ясной Поляне. В детстве она часто общалась с великим писателем. Начав 30 лет назад свой трудовой путь, София Андреевна целиком посвятила себя собиранию, изучению и пропаганде наследия Л. Н. Толстого.

Близкое участие С. А. Толстая принимала в издании произведений своего мужа, поэта Сергея Есенина.

Жизнь С. А. Толстой-Есениной была неразрывно связана с деятельностью толстовских музеев. Благодаря ее кипучей энергии эти музеи в Москве, Ясной Поляне и на ст. Музея Толстого наполнились множеством ценных материалов и выросли в крупные научно-исследовательские и культурно-просветительские учреждения.

В годы Великой Отечественной войны С. А. Толстая-Есенина провела большую работу по восстановлению Ясной Поляны, разоренной гитлеровскими оккупантами, и московских музеев Толстого, пострадавших от налетов вражеской авиации.

Обладая серьезными познаниями в области толстоведения, превосходный музей-

ный работник, С. А. Толстая-Есенина активно участвовала в подготовке многочисленных экспозиций и выставок, посвященных жизни и творчеству Л. Н. Толстого, а также в издании трудов о великом писателе.

За заслуги в области советского музейного дела С. А. Толстая-Есенина была награждена орденом «Знак Почета» и медалями.

Скромный, отзывчивый человек, горячий патриот советской Родины, С. А. Толстая-Есенина пользовалась искренним уважением всех знавших ее. Память о ней надолго сохранится в наших сердцах.

К. А. Федин, Ф. В. Гладков, В. Г. Лидин, Д. Д. Благой, А. Б. Гольденвейзер, Н. К. Гудкин, И. Н. Гусев, А. П. Сергеев, К. Н. С. Роловов, И. Шифман, А. И. Поповкин, Н. П. Пузан, Н. П. Пахомов, К. В. Пигарев, А. А. Сабуров, В. А. Жданов, Э. Э. Зайденшур, Е. С. Серебрянская, Е. Н. Чеботаревская, А. И. Опульский, Н. Г. Шелляпина.

Министерство культуры СССР, Союз писателей СССР, президиум Академии наук СССР, Министерство культуры РСФСР, Государственный музей Л. Н. Толстого, Музей-усадьба Ясная Поляна извещают о смерти внучки Л. Н. Толстого, директора Государственного музея Л. Н. Толстого

София Андреевна ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА, последовавшая после тяжелой, продолжительной болезни. Похороны С. А. Толстой состоятся в четверг 1 августа в Ясной Поляне.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Е. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБЧИКОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-89-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

К И Т А И С К И Й Т Р И Д Ц А Т И Л Е Т И Е

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ КИТАЯ

В ознаменованье этой даты в прошлом году был объявлен конкурс на лучшие литературные произведения, посвященные армии. Жюри конкурса получило 7 550 рукописей.

Из произведений, одобренных жюри, создается серия сборников. Ряд вещей выйдет отдельными изданиями. Два первых сборника из этой серии, носящие название «Ред красное знамя», на днях вышли из печати. Они предназначены главным образом для молодежи, знакомят ее с историей освободительной борьбы китайского народа под руководством коммунистической партии с боевыми традициями армии, с народными полководцами и отважными бойцами.

К дню годовщины выходит в свет третий специальный выпуск этой серии, посвященный же названию. В эту книгу включены сорок произведений. Среди них — воспоминания и записки генерал-полковника Ли Тянь-ю, генералов Чжоу Шиханя, Лю Чуня и Цзэн Го-хуа.

В дни празднования тридцатилетия Народно-освободительной армии в крупнейших городах республики открываются художественные выставки, в которых участвуют с известными мастерами живописи и графики участвуют многие армейские художники.

В дни празднования тридцатилетия Народно-освободитель